

I. О НАЧАЛЕ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ НА БОСПОРЕ¹

Статья посвящена рассмотрению вопроса о времени и возможных обстоятельствах начала монетной чеканки в Пантикапее – впоследствии столица Боспорского царства. Первые боспорские монетные выпуски подробно рассматриваются в общем контексте позднеархаической древнегреческой чеканки, что позволяет лучше понять их место в истории монетного дела античности.

Ключевые слова: возникновение монеты, денежное хозяйство, хронология чеканки, клады, поштемпельное исследование, археологические комплексы, хронология археологических памятников.

Проблема, вынесенная в заглавие настоящей работы, была уже поставлена одним из авторов в тезисах доклада, опубликованных в материалах международной научной конференции «Боспорский феномен», состоявшейся в Санкт-Петербурге в 2005 г.² Речь шла о необходимости пересмотра традиционной для отечественной историографии датировки начала выпуска монет крупнейшим полисом Боспора Пантикапеем серединой VI в. до н.э. Аргументы в пользу омоложения хронологии первых боспорских монет поневоле были изложены конспективно, как того требовали рамки тезисов конференции. Главной нашей целью тогда, однако, было обозначить саму проблему, от решения которой во многом зависит соответствующее современному уровню развития античной нумизматики и археологии понимание различных аспектов истории, культуры, религии и экономики раннего Боспора.

Парадоксальным образом, вплоть до настоящего времени, нумизматика раннего Боспора рассматривалась отечественными специалистами как некое изолированное явление, существовавшее вне контекста монетного дела Греции архаической и классической эпох. Иначе сложно объяснить полное игнорирование российскими нумизматами-античниками всех тех исследований проблемы возникновения собственной чеканки в различных греческих полисах, которыми так богата западная историография последних десятилетий. Помимо важных для нашей темы хронологических вех подобные исследования предоставляют богатейший сравнительный материал, демонстрируют различные модели появления и развития полисной чеканки, поднимают важные вопросы о функциональном назначении первых монет. Очевидно, что хотя бы краткое знакомство с результатами этих работ является сего-

¹ Подготовка этой статьи стала возможной благодаря поддержке фонда Александра фон Гумбольдта (Германия) и Австралийского центра по изучению античной нумизматики (Университет Макквори, г. Сидней).

² Коваленко 2005, 361–365.

дня неперменным условием всестороннего рассмотрения проблемы появления собственной монеты и на Боспоре. Актуальность подобной задачи определяется также значительным увеличением и систематизацией источниковой базы – недавно ранние монеты Пантикапея стали предметом корпусного исследования³, которое позволяет по-новому взглянуть на процесс становления и развития монетного дела Боспора.

В основе современных представлений о первых шагах становления монетного дела на Боспоре и хронологии ранних монет лежат положения, высказанные в работах выдающихся советских нумизматов – А.Н. Зографа и Д.Б. Шелова⁴. Эти ученые впервые попытались обосновать предлагаемые ими датировки и предложили собственную уточненную и дополненную систематизацию ранних монетных выпусков, в основе которой лежали наблюдения А.Л. Бертье-Делагарда⁵.

А.Л. Бертье-Делагард разделил боспорское серебро VI–V вв. до н.э. на шесть последовательных групп *a–f* на основании различий в оформлении оборотной стороны монет. К первой группе им были отнесены монеты с грубым *quadratum incusum* на реверсе, выпуск которых он датировал концом VI – началом V в. до н.э., не приведя, однако, никаких обоснований подобной датировки⁶. Вероятно, А.Л. Бертье-Делагард следовал за А.М. Подшиваловым, который за 30 лет до выхода в свет работы А.Л. Бертье-Делагарда, публикуя редкие экземпляры своей нумизматической коллекции, появление собственных монет Пантикапея (с углублением неопределенных очертаний на реверсе) отнес к первым годам после основания города, которое, как он считал, имело место в конце VI в. до н.э.⁷ Он же отметил, что тип монет Пантикапея с львиным скальпом *en face* на аверсе очень близок монетам, чеканившимся в ионийских городах и на острове Самос⁸.

А.Н. Зограф, указав на то, что порядок следования групп монет был намечен А.Л. Бертье-Делагардом правильно, заметил, однако, что предложенная им группировка далеко не исчерпывающая. Так, А.Л. Бертье-Делагард объединил в одну группу все монеты с разновидностями городской легенды от *ΠΑ* до *ΠΑΝΤΙ*, пропустил некоторые промежуточные стадии развития в предшествующих группах анэпиграфных монет, не включил в свою классификацию монеты с восьмиконечной звездой на реверсе⁹. А.Н. Зограф предложил дробную классификацию ранних монет, детально охарактеризовав эволюцию их оборотной стороны¹⁰.

Специальное внимание он уделил проблеме датировки первых монет Пантикапея. По его мнению, Пантикапей (наряду с Синопой и Аполлонией) принадлежал к числу городов Причерноморья, наиболее рано, еще в VI в. до н.э., начавших выпускать свою монету¹¹. Согласно общепринятому в то время взгляду, восходившему к мнению Э. Бабелона, начало пантикапейской чеканки датировалось

³ Фролова 1996, 34–69; Frolova 2004.

⁴ Зограф 1951, 164–168; Шелов 1949, 143–153; 1951, 45–52; 1956, 13–30.

⁵ Бертье-Делагард 1913, 72–80.

⁶ Там же, 72.

⁷ Podschivalow 1882, 5, Taf. 1, № 2.

⁸ Ibid.

⁹ Зограф 1951, 165.

¹⁰ Там же, 164–165.

¹¹ Там же, 164. Здесь необходимо, однако, отметить, что в настоящее время первые выпуски монет Синопы со схематичным изображением головы орла на л.с. и вдавленным квадратом на о.с. датируются 490–425 гг. до н.э.: SNG 1993, nos. 1359–1366; 2000, nos. 750–751. Первые монеты Аполлонии Понтийской с вдавленной свастикой на о.с. относятся к рубежу V–IV вв. до н.э.: Стефанова 1984, 17–19; 1992, 382–383; SNG 1993, nos. 148–149; 2000, nos. 30–33.

второй половиной VI в. до н.э.¹² Показательно примечание А.Н. Зографа о том, что «обосновать такую дату мы никакими соображениями, кроме данных фактуры и стиля, не можем». По мнению исследователя, «совершенно лишенный всякого изображения, часто неправильного контура вдавленный квадрат на о.с. и очень грубо и примитивно исполненная львиная голова на л.с. древнейших монет Пантикапея заставляет отодвигать их далеко вглубь VI в. до н.э.»¹³ В подтверждение этого предположения А.Н. Зограф сослался на архаические электроновые монеты Милета и Самоса рубежа VII–VI вв. до н.э., излюбленным монетным типом которых было изображение фигуры или головы льва. В текстовом описании таблиц с изображениями монет в конце книги А.Н. Зографа первые экземпляры пантикапейской чеканки датированы второй половиной VI в. до н.э.¹⁴

Вторым важным хронологическим репером, намеченным А.Н. Зографом для пантикапейских монет, было отмеченное им сходство изображений л.с. на монетах с восьмилучевой звездой на реверсе с первыми монетами, носящими имя Мессаны и принявшими самосский тип. Близкий же, по его мнению, тип звезды встречается и на о.с. милетских серебряных диоболов, датируемых рубежом VI–V вв. до н.э.¹⁵ Поскольку отмеченные монеты Мессаны датируются 490–480 гг. до н.э., А.Н. Зограф отнес рассматриваемые пантикапейские монеты к первой четверти V в. до н.э.¹⁶ Так как звезда на о.с. этих монет очень близка аналогичному изображению на следующем выпуске Пантикапея, включающем первые монеты с буквами ПА, А.Н. Зограф датировал переход от анэпиграфных монет к монетам с надписями второй четвертью V в. до н.э. и к третьей четверти того же столетия отнес монеты с более развернутой городской легендой¹⁷. Считаем необходимым подчеркнуть, что А.Н. Зограф прекрасно осознавал определенную условность предлагаемых им датировок, вполне справедливо полагая, что «для абсолютной хронологии этих монет у нас слишком мало данных», и отмечая также, «что в связи с обогащением нашего нумизматического материала вполне возможно перемещение их (монетных выпусков. – С.К., В.Т.) в пределах четвертей века»¹⁸.

Идеи А.Н. Зографа были развиты и дополнены Д.Б. Шеловым, который несколько модифицировал схему развития рисунка о.с. ранних пантикапейских монет, предложенную ранее, исключив из нее, в частности, монеты с восьмилучевой звездой на реверсе, пантикапейское происхождение которых, по его мнению, было не доказано¹⁹. Уточнению подверглась и дата начала боспорской чеканки. Признавая отсутствие прямых свидетельств о времени этого события, Д.Б. Шелов отметил, что единственную возможность его определения дают «стилистические и общеоисторические соображения»²⁰. По стилю и фактуре первые пантикапейские моне-

¹² Babelon 1907, 401; Зограф 1951, 164.

¹³ Зограф 1951, 164.

¹⁴ Там же, 244, табл. XXXIX, 9–11.

¹⁵ В действительности изображение на о.с. милетских диоболов семантически отличается от звезды, представляя собой растительную розетку, образованную четырьмя бутонами лотоса и четырьмя же пальметтами, ср. Pfeiler 1966, 7, 20–21; Becker 1988, 6 f. (о возможном использовании растительных элементов для воспроизведения астральных мотивов см., однако, Anm. 13). О хронологии ранней серебряной милетской чеканки см. ниже.

¹⁶ Зограф 1951, 165.

¹⁷ Там же, 165, 167.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Шелов 1949, 151; 1956, 19–21, 24.

²⁰ Шелов 1949, 150, 152.

ты очень архаического, по мнению исследователя, облика могут быть отнесены еще к середине VI в. до н.э., что подтверждается и их сравнением с архаическими ионийскими монетами. Новейшие археологические данные, свидетельствующие об основании Пантикапея еще в первой половине, а возможно, и в первой четверти VI в. до н.э., также позволяют считать относительно раннее начало монетной чеканки на Боспоре совершенно закономерным²¹.

Ко второй половине VI в. до н.э. Д.Б. Шелов отнес серии пантикапейских монет с изображением на о.с. вдавленного квадрата, разделенного на четыре части, в каждой из которых помещалось по рельефной точке. Определяемое исследователем время чеканки последующих выпусков с рисунком о.с. в виде крыльев ветряной мельницы, сперва анэпиграфных, а затем – с изображением четырех- и восьмилучевых звезд, помещавшихся на рельефных табличках, и сокращением имени города приходилось на первые три четверти V в. до н.э. и по существу укладывалось в хронологическую схему, предложенную А.Н. Зографом²².

Проследив эволюцию изображений львиной головы или морды на ранних пантикапейских монетах, Д.Б. Шелов пришел к выводу о том, что несмотря на близость передачи отдельных деталей подобных изображений, прослеживаемую в пантикапейской чеканке и монетных выпусках некоторых других греческих центров, а также общее развитие в русле греческой монетной типологии, ранняя чеканка Пантикапея обнаруживает значительную самостоятельность в разработке сюжета л.с., для которого невозможно указать ни одного типа, заимствованного с чужих монет²³.

Особое внимание Д.Б. Шелов уделил опровержению мнения о том, что тип л.с. первых пантикапейских монет заимствован с архаических самосских выпусков, как вслед за английскими нумизматами и М.И. Ростовцевым считал А.Н. Зограф²⁴. Связывая появление головы льва на боспорских монетах с привнесением сюда из метрополии культа Аполлона, Д.Б. Шелов и вопрос о месте происхождения сюжета первых монетных типов Пантикапея решал в пользу Милета²⁵.

Взгляды А.Н. Зографа и Д.Б. Шелова на процесс становления и развития монетного дела Пантикапея, а также их хронологические разработки нашли широкое признание в среде отечественных археологов и нумизматов и превратились по существу в своеобразную ортодоксию, в течение многих лет не подвергавшуюся сомнению. Анализ находок нумизматического материала из археологических слоев и комплексов, как кажется, подтверждал выводы А.Н. Зографа и Д.Б. Шелова²⁶.

Практически незамеченной осталась статья Ю.С. Крушкол, вышедшая почти одновременно с работами Д.Б. Шелова и несколько иначе трактовавшая раннюю историю боспорской чеканки²⁷. Подвергшаяся острой критике со стороны Д.Б. Шелова²⁸

²¹ Там же, 152; Шелов 1956, 14; 1951, 48–49.

²² Шелов 1951, 49–50; 1949, 152; 1951a, 126–127; 1956, 20–21.

²³ Шелов 1956, 18–19; 1951, 48–51.

²⁴ Зограф 1951, 164; Шелов 1951, 45–46.

²⁵ Шелов 1951, 47–48; 1956, 17–18.

²⁶ Скуднова 1950, 78–79; Шелов 1951b, 263–264; Скуднова 1961, 61, 63; Голенко, Шелов 1963, 4; Шелов 1965, 33–34; Голенко 1974, 62; Розов 1983, 109–111; Абрамзон, Фролова, Горлов 1999, 46–47; Abramzon, Frolova 2004, 42.

²⁷ Крушкол 1950, 183–188.

²⁸ Шелов 1951, 45–47.

и несвободная от досадных неточностей²⁹ эта работа, однако, содержала ряд ценных наблюдений, мимо которых прошли последующие исследователи. В частности, Ю.С. Крушкол совершенно справедливо обратила внимание на то, что архаические серебряные монеты Милета вряд ли могли служить прототипом пантикапейских, поскольку начали выпускаться значительно позже предполагаемой даты начала боспорской чеканки в середине VI в. до н.э.³⁰ Ею же было отмечено, что для типологии милетских монет (в отличие от самосских) гораздо более характерно изображение львиной головы в профиль, а не впрямь. Приведя археологические свидетельства связей Самоса с Северным Причерноморьем, исследовательница высказала предположение о возможном участии самосских переселенцев в колонизации данного региона³¹.

Важные наблюдения, касавшиеся классификации ранних пантикапейских монет, были сделаны в статье К.В. Голенко, вышедшей в 1974 г.³² Заново публикуя Нимфейский клад раннего боспорского серебра, обнаруженный в ходе раскопок 1949 г.³³, К.В. Голенко уточнил состав кладового комплекса, внося существенные поправки в атрибуцию содержащихся в нем типов монет³⁴. На основании стилистического анализа изображений л.с. К.В. Голенко предложил свою относительную хронологию типов найденных в кладе монет, не изменив, впрочем, предложенных А.Н. Зографом и Д.Б. Шеловым абсолютных датировок³⁵. Материалы клада позволили К.В. Голенко прийти к выводу о том, что появление монет с двумя рельефными точками в разделенном на четыре части *quadratum incusum* о.с., по всей вероятности, имело место ранее появления выпуска с четырьмя точками на реверсе³⁶. Данный выпуск Д.Б. Шелов считал вторым по времени чеканки после монет с грубым *quadratum incusum* неопределенных очертаний и полагал, что именно из рельефных точек, располагавшихся в углах вдавленного квадрата о.с. возникли рельефные таблички, образовавшие в последующих выпусках так называемый тип «крыльев ветряной мельницы»³⁷. Находка подобных монет, датированных второй половиной VI в. до н.э., в Нимфейском кладе 1949 г., наряду с выпусками, относившимися к первой – второй четвертям V в. до н.э., свидетельствовала, по мнению Д.Б. Шелова, о длительном обращении на Боспоре ранее выпущенной монеты³⁸. К.В. Голенко указал также на мнимость отстаиваемой Д.Б. Шеловым типологиче-

²⁹ Постоянная путаница при ссылках на две работы А.Л. Бертье-Делагарда, помещенных в разных томах «Нумизматического сборника» (Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р.Х. // Нумизматический сборник. Т. 1. 1911; Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник. Т. 2. 1913); датировка ранних пантикапейских монет в тексте статьи второй половиной VI в. до н.э., а на таблицах – концом того же столетия (183, табл. I, 1–3); отнесение к электровой чеканке Милета монет, чеканенных из серебра (табл. II, 1) – ср. Babelon 1907, pl. XI, 10–11.

³⁰ Крушкол 1950, 184.

³¹ Там же, 184–185.

³² Голенко 1974, 68–71.

³³ Скуднова 1950.

³⁴ Голенко 1974, 68–71.

³⁵ Там же, 70–71.

³⁶ Этот вывод следует из признания одной из монет с подобным рисунком реверса (№ 1) самой ранней монетой в кладе, содержавшем также и две монеты с четырьмя точками на о.с. (Голенко 1974, 69, прим. 8, 12).

³⁷ Шелов 1949, 144; 1956, 19–20, 24.

³⁸ Шелов 1951б, 263–264.

ской обособленности монет с изображением звезды на реверсе³⁹, связав вслед за А.Н. Зографом, появление подобного изображения на гемидолах с появлением восьмилучевых звезд в рельефных табличках на о.с. монет старшего номинала⁴⁰.

Важным шагом вперед в изучении боспорской нумизматики в целом и ранней чеканки Пантикапея в частности стал выход в свет книги В.А. Анохина⁴¹. Высказав ряд спорных предположений, подвергшихся впоследствии острой критике, В.А. Анохин тем не менее сделал ряд весьма ценных наблюдений, к сожалению, оставшихся неустраиваемыми в должной мере отечественной нумизматической наукой.

Прежде всего необходимо отметить четко озвученную идею о том, что изменение монетных типов, в первую очередь реверса, легшее в основу охарактеризованного выше деления ранней пантикапейской чеканки на последовательные группы, в значительной степени определялось практической необходимостью отличать ее различные выпуски⁴². Речь, таким образом, шла не о простой стилистической и технической эволюции изобразительных мотивов или их развитии в качестве декоративного элемента монетного типа⁴³, но о сознательном постепенном усложнении последнего, имевшем своей целью маркирование выпусков и представлявшем собой по существу способ контроля над чеканкой⁴⁴.

Опираясь на анализ типов аверса и реверса, В.А. Анохин выделил 16 отдельных выпусков или серий пантикапейских монет VI–V вв. до н.э.⁴⁵ Вполне закономерно им был поставлен вопрос о вероятной продолжительности чеканки каждой подобной серии или, как он выразился, их цикличности. По его мнению, эта цикличность или могла носить случайный характер – в этом случае монеты выпускались по мере необходимости, через разные отрезки времени, или могла определяться заранее и составлять вполне определенное (одинаковое) количество лет, наподобие того, как осуществлялось, например, отправление годовых магистратур⁴⁶. Поскольку объективные данные для решения подобного вопроса, по мнению исследователя, отсутствовали⁴⁷, В.А. Анохин счел возможным путем простого деления предполагаемого количества лет начального периода пантикапейской чеканки на число выделенных им серий установить продолжительность их выпуска и прийти к выводу, что каждая серия в среднем выпускалась в течение десяти лет⁴⁸. Это, в свою очередь, позволило ему, отсчитав назад 160 лет от момента выпуска серии П-16, чеканка которой, по его мнению, надежно привязывалась к захвату Фео-

³⁹ Шелов 1956, 20.

⁴⁰ Голенко 1974, 70, прим. 17.

⁴¹ Анохин 1986.

⁴² Там же, 5–6.

⁴³ Ср., например: Шелов 1949, 145, прим. 1.

⁴⁴ Анохин 1986, 16.

⁴⁵ Там же, 6–10.

⁴⁶ Там же, 16. Подобное представление является, на наш взгляд, модернизацией и неприемлемо к монетному делу античности.

⁴⁷ На самом деле объективными показателями длительности чеканки монетной серии или выпуска может служить количество использованных для этого штемпелей л. и о.с. вкупе с анализом штемпельных связей внутри исследуемой серии (подробно см. ниже). Косвенным признаком является также объем монетной эмиссии. Однако поскольку исследование В.А. Анохина представляло собой не нумизматический корпус, а типологический каталог, автор в решении вопросов хронологии опирался скорее на субъективные представления о ходе развития боспорской чеканки, нежели на фактологический материал.

⁴⁸ Анохин 1986, 17.

досии Левконом I в 390–380 гг. до н.э., определить дату начала пантикапейской чеканки ок. 540–530 гг. до н.э.⁴⁹

Несмотря на очевидную условность подобного подхода и его слабую методическую обоснованность, подвергнувшуюся вполне закономерной критике⁵⁰, несомненно, оправданы были сомнения В.А. Анохина, высказанные по поводу правомерности традиционной даты начала пантикапейской чеканки в середине VI в. до н.э. Предложенная Д.Б. Шеловым эта дата (см. выше), по замечанию В.А. Анохина, фактически ничем не была обоснована и более того, в свете последних исследований монетного дела таких крупных греческих центров, как Афины, Эгина, Коринф, в которых появление собственной серебряной монеты было датировано 560–550 гг. до н.э., столь же ранняя датировка пантикапейских монет выглядела маловероятной⁵¹.

Н.А. Фролова в своих рецензиях на книгу В.А. Анохина подвергла его идеи острой критике, справедливо отметив содержащиеся в ней многочисленные неточности и расхождения, однако мало что добавила к решению вопроса о начале монетной чеканки на Боспоре⁵². Обрушившись на предложенный В.А. Анохиным принцип распределения пантикапейских эмиссий по десятилетиям, Н.А. Фролова не привела убедительных аргументов против высказанных им сомнений о возможности начала пантикапейской чеканки в середине VI в. до н.э. В одном случае она сослалась на то, что предложенная В.А. Анохиным более поздняя дата возникновения этой чеканки не соответствует неким «нумизматическим данным», не пояснив, что имеется в виду⁵³. В другом – указала на то, что В.А. Анохин «отвергает датировку начала эмиссий серебра в Пантикапее серединой VI в. до н.э. на том основании, что первые монеты Афин, Эгины и Коринфа относятся к 560–550 гг. до н.э.»⁵⁴, что было по существу упрощением и искажением мысли В.А. Анохина о том, что на фоне начала чеканки в 560–550 гг. до н.э. в крупнейших греческих торговых центрах, каковыми были упомянутые полисы, практически одновременное появление собственной монеты в незадолго до этой даты основанном Пантикапее было маловероятным. Указание Н.А. Фроловой, видимо, долженствующее подкрепить традиционную датировку, на то, что «общие принципы развития техники чеканки и эволюции quadratum incusum присущи в одинаковой мере и пантикапейским, и всем типам монет греческих городов периода архаики», вряд ли может рассматриваться в качестве веского довода против предположения В.А. Анохина⁵⁵.

⁴⁹ Там же, 17–18.

⁵⁰ Фролова 1988, 124; Frolova 1991, 66 f.

⁵¹ Анохин 1986, 17.

⁵² Фролова 1988, 122–142; Frolova 1991, 66–69.

⁵³ Фролова 1988, 122; Frolova 1991, 66–67. В сокращенном варианте рецензии на немецком языке, видимо вследствие опечатки, в качестве традиционной даты начала боспорской чеканки указана середина IV в. до н.э. (S. 67), при этом также, вероятно, ошибочно, и без указания страницы дана ссылка на работу Н.А. Фроловой на английском языке, посвященную монетному делу Боспора 69–238 гг. н.э. (Ann. 4).

⁵⁴ Фролова 1988, 124.

⁵⁵ Во всяком случае, для М. Прайса, уделившего особое внимание решению вопроса о начале чеканки собственной монеты греческими полисами и являвшегося крупнейшим специалистом в области монетного дела периода архаики, близость ранних монет Пантикапея архаическим выпускам других греческих центров, была, видимо, не столь очевидной, коль скоро и он, и другие зарубежные исследователи, публиковавшие ранние пантикапейские монеты, датировали их не ранее *второй четверти – середины V в. до н.э.*, т.е. уже классическим временем: SNG 1993, nos. 836–839; 2000, nos. 509–513; MacDonald 2005, 10–11; ср. также Hind 2008, 1, n. 3.

В малоизмененном виде текст русскоязычной рецензии Н.А. Фроловой на книгу В.А. Анохина вошел в обобщающую статью исследовательницы, посвященную истории монетного дела Боспора⁵⁶.

В 1996 г. Н.А. Фролова опубликовала первый в отечественной историографии свод серебряных боспорских монет, принадлежавших раннему этапу чеканки⁵⁷. Ею была проделана громадная работа по сбору, систематизации и штемпельному анализу соответствующего монетного материала, в результате чего была существенно уточнена и расширена источниковая база ранней боспорской нумизматики. Все монеты в соответствии с рисунком о.с. были классифицированы ею на типы, располагавшиеся в относительной хронологической последовательности. Каждый выделенный подобным образом тип по существу представлял собой отдельный выпуск или монетную серию.

Как видно уже из названия рассматриваемой статьи, Н.А. Фролова придерживалась абсолютной хронологии раннего боспорского серебра, предложенной А.Н. Зографом и Д.Б. Шеловым. К сожалению, ей и самой не удалось избежать определенной путаницы в датировках, за которую она несколькими годами раньше упрекала В.А. Анохина. Например, самые ранние монеты 1-го типа (с вдавленным квадратом неопределенных очертаний на о.с.) в каталоге датированы серединой VI – концом V в. до н.э., т.е. отнесены ко всему временному периоду, рассматриваемому в статье, что, безусловно, противоречит смыслу той типологической классификации, которую предложил автор⁵⁸. Монеты 3-го типа (с углубленным квадратом, разделенным на четыре прямоугольника, на о.с.) датировались Н.А. Фроловой первой четвертью V в. до н.э., монеты следующего, 4-го типа (с двумя рельефными точками в *quadratum incusum* на о.с.) были отнесены к середине столетия, монеты же 5-го типа (с четырьмя точками), который, судя по нумерации, был отчеканен после 4-го, датировались второй четвертью V в. до н.э.⁵⁹ В то время как в тексте статьи монеты с надписью АПОΛ, вслед за Д.Б. Шеловым, Н.А. Фролова относил ко второй – третьей четвертям V в. до н.э., в приложенном к работе каталоге для них указывалась дата – четвертая четверть V в. до н.э.⁶⁰

В исправленном и дополненном виде данная статья Н.А. Фроловой легла в основу первого корпуса ранней боспорской чеканки, вышедшего в 2004 г. на немецком языке⁶¹. Несмотря на тщательную редактуру текста, проведенную немецкими издателями и избавившую работу Н.А. Фроловой от большинства опечаток и неточностей, имевшихся в русском варианте, ряд явных ошибок, к сожалению, все же присутствует и в этой книге. Так, монеты 1-го типа по-прежнему датируются серединой VI – концом V в. до н.э.⁶² В отличие от всех остальных номиналов

⁵⁶ Фролова 1992, 197–217. В этой работе Н.А. Фролова по существу поставила знак равенства между началом серебряной чеканки в городах материковой Греции и в Пантикапее, ср. «В.А. Анохин отвергает датировку начала эмиссий серебра в Пантикапее серединой VI в. до н.э. на том основании, что первые монеты Афин, Эгины, Коринфа относятся к 560–550 гг. до н.э. (с. 17), но ведь 550 г. до н.э. это и есть середина VI в. до н.э. (курсив наш. – С.К., В.Т.)» – 199.

⁵⁷ Фролова 1996.

⁵⁸ Там же, 54. О том, что эта дата – не опечатка, свидетельствует ее повторение в тексте корпуса ранней пантикапейской чеканки, изданного на немецком языке (см. ниже, прим. 61).

⁵⁹ Там же, 56–58.

⁶⁰ Там же, 50, 65.

⁶¹ Frolova 2004.

⁶² Ibid., 17–18. См. прим. 58.

2-го типа, отнесенных к концу VI – первой четверти V в. до н.э., оболы и гемиоболы этого типа почему-то датируются концом VI – последней четвертью V в. до н.э.⁶³

Начало чеканки пантикапейского серебра в середине VI в. до н.э. не вызывает у Н.А. Фроловой сомнений. Убедительным свидетельством этого, по ее мнению, являются внешний вид и стиль изображений, имевшихся на первых пантикапейских монетах. Этой датировке не противоречит и тот факт, что Пантикапей как полис возник уже на рубеже первой – второй четвертей VI в. до н.э. Более того, ее подтверждает стилистическое сравнение первых пантикапейских монет с архаическими монетами ионийских городов⁶⁴.

Повторяя вслед за Д.Б. Шеловым эти доводы, Н.А. Фролова, к сожалению, не добавляет ничего нового к аргументации, высказанной видным отечественным нумизматом почти полвека назад. В частности, так и остаются неизвестными те «архаические монеты ионийских городов», которые стилистически (и соответственно хронологически) весьма близки первым монетам Пантикапея. Из работ Д.Б. Шелова, впрочем, ясно, что, говоря о сравнительном материале, он имел в виду электроновые монеты западного побережья Малой Азии. Примечательно, однако, что в работе, специально посвященной исследованию изображений львиной головы на ранних пантикапейских монетах, исследователь замечает, что «подыскать аналогии этим изображениям среди других памятников греческой нумизматики очень затруднительно... развитие типа львиной головы на пантикапейских монетах обнаруживает значительную самостоятельность в разработке сюжета, напоминая лишь в общих чертах чеканку других городов»⁶⁵.

Практически единственной конкретной аналогией древнейшим монетам Пантикапея, приводимой Д.Б. Шеловым, является электроновый статер из собрания Британского музея⁶⁶ с изображением на л.с. двух соединенных лбами львиных голов, заново опубликованный К. Реглингом⁶⁷. Д.Б. Шелов отмечает, что происхождение этого статера совершенно неясно, хотя в книге К. Реглинга, на которую он ссылается, эта монета предположительно определяется как самосская⁶⁸. Любопытно, кстати, что А.Н. Зограф, также упомянувший в своей книге единственную ионийскую аналогию изображениям львиной головы на монетах Пантикапея⁶⁹, отнес ее к чекану Милета, хотя самосское происхождение этой и других подобных монет постулировалось английскими нумизматами⁷⁰.

Оставляя всю тяжесть доказательства ранней даты начала пантикапейской чеканки своим предшественникам и по-прежнему заявляя, что истоки изображений л.с. первых пантикапейских монет надо искать в типологии милетских выпусков архаического времени⁷¹, Н.А. Фролова фактически игнорирует тот новый материал по истории архаической электроной и серебряной чеканки, который был накоплен нумизматической наукой со времен А.Н. Зографа и Д.Б. Шелова (см. ниже), что не может в определенной степени не обесценивать научную значимость ее книги⁷².

⁶³ Ibid., 18–20.

⁶⁴ Ibid., 3–4.

⁶⁵ Шелов 1951, 48–49.

⁶⁶ Шелов 1951, 49; Head 1892, pl. I, 1.

⁶⁷ Regling 1924, Taf. I, 20.

⁶⁸ Regling 1924, 124, Nr. 20.

⁶⁹ Зограф 1951, 164, табл. I, 8.

⁷⁰ Gardner 1882, 220, pl. I, 2–3.

⁷¹ Frolova 2004, 3.

⁷² Cp. Ireland 2005, 387.

К проблемам абсолютной и относительной хронологии ранних монет Боспора недавно обратился А.А. Завойкин⁷³. Отмечая необходимость привязки монет Боспора к абсолютной хронологической шкале, А.А. Завойкин указал на то, что это возможно лишь через их сопоставление с историческими фактами, дата которых известна. В этой связи им постулируется небесспорная идея о возможности сопоставления с подобными фактами фиксируемых изменений в монетном деле Боспора⁷⁴ и намечаются так называемые опорные хронологические реперы в боспорской чеканке, «определенные “нумизматически” (т.е. привязанные к датированным фактам нумизматики за пределами самого Боспора)»⁷⁵. В качестве первого подобного репера автор выделяет как раз дату начала чеканки в Пантикапее, которую он относит к середине – третьей четверти VI в. до н.э., согласно рассмотренным выше работам А.Н. Зографа, Д.Б. Шелова, В.А. Анохина, и которая определяется, в соответствии с его методом, видимо, на основании приведенных перечисленными авторами сопоставлений с архаической ионийской чеканкой⁷⁶. Считая, таким образом, начало боспорской чеканки «датированным фактом нумизматики», А.А. Завойкин по существу остается в русле традиционной хронологии начального этапа монетного дела Боспора и не продвигается дальше в решении этого вопроса.

В работе В.К. Голенко, посвященной в основном типологическому и метрологическому анализу древнего боспорского серебра проблемы абсолютной хронологии ранних боспорских эмиссий затрагиваются лишь мимоходом⁷⁷. Автор неоднократно ссылается на существующие в литературе точки зрения Зографа–Шелова и Анохина, в целом никак их не комментируя и, очевидно, принимая временной промежуток от середины VI в. до н.э. до 30-х годов этого столетия в качестве наиболее вероятной даты начала боспорской чеканки⁷⁸. Тем более неожиданным оказывается вывод, который делает В.К. Голенко, когда говорит о правовом аспекте начала пантикапейского чекана: «Если существующие ныне датировки первых эмиссий (Пантикапея. – *С.К.*, *В.Т.*) верны, то они были выпущены в период после завоевания Малой Азии Персией в 546 г. до н.э., после скифского похода Дария I и, естественно, ранее Ионийского восстания 499–494 гг. до н.э.»⁷⁹. Если учесть, что время похода Дария против скифов на основании данных эпиграфических и нарративных источников датируется временем между 519 и 510 гг. до н.э.⁸⁰, то остается все же не совсем ясным, когда, по мнению В.К. Голенко, осуществлялся выпуск первых пантикапейских монет.

Единственным специалистом, попытавшимся сознательно оспорить традиционную точку зрения на появление и развитие ранней пантикапейской чеканки в со-

⁷³ Завойкин 2002, 19–22.

⁷⁴ Ср. Зограф 1951, 167: «Возникает вопрос, можно ли увязать намеченную нами хронологическую группировку (монет. – *С.К.*, *В.Т.*) с известными фактами истории Боспора за этот V в. К сожалению, при настоящем состоянии наших знаний придется ответить на этот вопрос отрицательно... монетные типы Пантикапея в течение V в. ... развиваются так медленно и постепенно, что едва ли приходится искать в них отражения политических событий».

⁷⁵ Завойкин 2002, 19–20.

⁷⁶ Там же, 20.

⁷⁷ Голенко 2004, 183–198.

⁷⁸ Там же, 184, 186.

⁷⁹ Там же, 187.

⁸⁰ См., например: Vickers 1985, 4, n. 19–21; Gardiner-Garden 1987, 326–330; Root 1988, 3, n. 6; Kagan 1994, 41, n. 42; Balcer 1995, 149–151; Jakobs 1997, 285; Journatzi 2003, 4, n. 9.

временной отечественной историографии, стал А.Е. Терещенко⁸¹. Исследователь справедливо указал на «настоятельную необходимость пересмотра некоторых устоявшихся воззрений на зарождение монетного дела в греческих колониях»⁸². К сожалению, осуществленный им «пересмотр» свелся лишь к умозрительным рассуждениям относительно ранней чеканки Абдер, которая использовалась в качестве иллюстрации к зарождению и эволюции монетного дела Пантикапея.

Руководимый постулатом о том, что обычный срок появления чеканки в колониях с момента их основания составлял 100–150 лет⁸³, А.Е. Терещенко приходит к смелому выводу: традиционная дата начала абдеритской чеканки в 540–535 гг. до н.э.⁸⁴, вскоре после основания Абдер теосцами, «выглядит совершенной фантастикой»⁸⁵. Нисколько не обескураженный фактами находок абдеритских октодрахм и тетрадрахм (которые, видимо, остались ему неизвестными) в монетных кладах и закрытых археологических комплексах, имеющих в качестве надежного *terminus ante quem* последние десятилетия – конец VI в. до н.э.⁸⁶, исследователь в качестве одного из объяснений сложившейся в его голове «фантастической ситуации» предлагает датировать появление чеканки в Абдерах первой половиной V в. до н.э. «Тем более что стилистика изображений, надпись, фактура, более характерна именно для V в. до н.э., нежели для VI в. до н.э.»⁸⁷. Перед нами яркий пример того, как в угоду заранее созданной схеме (в данном случае жесткой и односторонней увязки потенциальной возможности начать собственную чеканку с достижением некоего экономического потенциала, которое возможно только спустя определенный, якобы твердо установленный для всех случаев срок⁸⁸) искажаются свидетельства исторического источника.

⁸¹ Терещенко 2002, 206–209; 2004; 2005, 235–244 (в этой последней по времени публикации А.Е. Терещенко по непонятным причинам вновь рассматривает середину VI в. до н.э. в качестве общепризнанной даты начала пантикапейской чеканки, что противоречит хронологическим выводам, содержащимся в его предыдущих работах).

⁸² Терещенко 2002, 206.

⁸³ Там же; Терещенко 2004, 6. Остается неясным, откуда взята эта цифра, поскольку какие-либо сноска на литературу в обеих работах этого автора в данном случае отсутствуют. Из контекста изложения можно лишь догадываться, что этот срок определялся, скорее всего, временем, необходимым для создания собственной экономической базы того или иного полиса, позволявшей начать чеканку монеты.

⁸⁴ May 1966, 1; Kraay 1976, 35; Matzke 2002, 40–41.

⁸⁵ Терещенко 2002, 206.

⁸⁶ См., например: Dressel, Regling 1927, 91–96, Nr. 153–158; IGCH 1973, nos. 1478, 1637, 1639, 1789; Price, Waggoner 1975, 37; CH 1994, nos. 19, 21.

⁸⁷ Терещенко 2002, 207.

⁸⁸ Здесь необходимо подчеркнуть, что мы не оспариваем того факта, что существование определенных финансовых или экономических предпосылок было необходимым условием начала выпуска собственной монеты любым греческим полисом. Исключительно важную роль, в частности, играл доступ к месторождениям металлических руд. Нельзя, однако, абсолютизировать экономические причины начала чеканки. Надо помнить о том, что более половины известных греческих полисов никогда не чеканили своей монеты, что отнюдь не означало отсутствия у них необходимой для этого экономической базы (Martin 1995, 270–271). Платежи могли осуществляться в иностранной монете, с помощью металлических слитков, бартера, кредитных операций. Начало собственной чеканки могло определяться необходимостью производить государственные выплаты (например, за участие граждан в работе органов управления), оплачивать военные расходы или просто желанием извлечь определенный доход из процесса перечеканки металла в монету. Наконец, выпуск соб-

За Абдерами наступает очередь Пантикапея, монетная чеканка которого «представляет собой уникальный случай в практике монетного дела греческих колоний»⁸⁹. Эта уникальность, согласно А.Е. Терещенко, проявляется прежде всего в довольно раннем возникновении пантикапейского монетного дела⁹⁰. Не совсем понятно, почему А.Е. Терещенко в данном случае не столь радикален, как с Абдерами, и, признавая возникновение Пантикапея на рубеже первой – второй четвертей VI в. до н.э., относит начало выпуска собственной монеты этим полисом к концу третьей четверти столетия, т.е. отводит всего 50 лет на создание необходимой экономической базы. Приводимый им в качестве главного аргумента в пользу создания этой базы факт начала каменного домостроительства в Пантикапее в конце третьей четверти VI в. до н.э. свидетельствует, как он сам совершенно справедливо отмечает, о том, что «можно с полной уверенностью говорить, что первая пантикапейская монетная серия могла быть выпущена не ранее указанного срока»⁹¹. Возможность же того, что это событие могло иметь место и заметно позже указанной даты, которая в данном случае является лишь очевидным *terminus post quem*, видимо, ускользнула от внимания автора.

Приведенными доводами по существу исчерпывается доказательная база, на которой А.Е. Терещенко строится попытка омоложения древней боспорской чеканки. Привлекаемые им свидетельства раннего и успешного развития сельского хозяйства на землях Таманского полуострова так же, как и предлагаемая гипотеза об активном росте боспорской хлебной торговли уже в VI в. до н.э., призваны лишь объяснить не укладывающееся в уже изложенную концепцию о возникновении монетной чеканки через определенный срок после выведения колонии «чрезвычайно раннее появление пантикапейского монетного дела»⁹². Совершенно очевидно также, что привлечение в качестве примера монетного дела Абдер (выбранного, по сути, случайно, лишь потому, что В.Д. Кузнецов написал статью о возможной роли этого полиса в основании Фанагории⁹³) явно недостаточно для того, чтобы продемонстрировать «уникальность» пантикапейской чеканки.

ственной монеты мог диктоваться и соображениями политического престижа (см. Крауэ 1976, 50; Crawford 1970, 46; Howgego 1990, 8–15; Martin 1985, 228, 233; 1995, 268–269, 280–281; 1996, 258–259, 279, 281–282; Trevett 2001, 24). С другой стороны, нельзя переносить наши собственные представления о том, что такое экономически развитый греческий полис, на конкретную ситуацию, действительно существовавшую в древности, игнорируя при этом свидетельства источников. Историческая действительность всегда была несколько иной, как правило, богаче и разнообразней, если угодно, неожиданней, нежели любые субъективные схемы, построенные историками. Вопреки мнению А.Е. Терещенко, можно привести немало примеров начала собственной чеканки городами-колониями гораздо ранее намеченного им срока, необходимого для становления экономической базы (Велия, Фурии, Гераклея Луканская, Тиндарис, Амфиполь, Херсонес Таврический и т.д., и т.п.). В этой связи необходимо помнить, что наши сегодняшние критерии оценки пресловутого экономического потенциала также в значительной степени зависят от субъективизма исследователей.

⁸⁹ Терещенко 2002, 207.

⁹⁰ Терещенко 2004, 4–6. Необходимо при этом заметить, что в отличие от Абдер, чьи монеты неоднократно находили в хорошо датированных археологических контекстах и кладах (см. выше), подобные же находки пантикапейских монет до недавнего времени были практически неизвестны.

⁹¹ Там же, 6.

⁹² Терещенко 2002, 207–208; 2004, 5.

⁹³ Терещенко 2002, 206.

Мало нового к дискуссии о хронологии ранних боспорских монет добавила и работа Т.Н. Смекаловой⁹⁴. Обращаясь вслед за А.Е. Терещенко к археологическим свидетельствам успешного развития сельского хозяйства на землях Таманского полуострова в архаическое время, Т.Н. Смекалова также использует их как аргумент в пользу «необычайно раннего появления монеты на Боспоре»⁹⁵. Исследовательница демонстрирует откровенно модернистский подход к проблеме, высказывая мысль о невозможности становления и развития международной боспорской хлебной торговли без собственной монеты⁹⁶. По ее мнению, «требовалось как можно быстрее начать выпускать монету, которая позволяла обменивать ее у производителей на зерно и отправлять его за море»⁹⁷. Для нее «необходимость введения монеты на Боспоре в самое раннее время» очевидна, «так как только с помощью денежных расчетов можно было получить хлеб от мелких производителей, чтобы затем перепродать его на несравнимо более выгодных условиях в Аттику и другие области Греции...»⁹⁸. Нам остается лишь заметить, что насколько бесспорна справедливость второй части этого утверждения, настолько же очевидно, что «денежные расчеты» в античности, как было показано выше, отнюдь не сводились к использованию исключительно монеты (ср. прим. 88).

Для того чтобы понять, какое место занимали ранние монеты Пантикапея в ряду других городских чеканок, безусловно, необходим гораздо более объемный анализ монетного дела греческих полисов периода архаики. Этому и посвящена следующая часть нашей работы.

* * *

Рукопись книги А.Н. Зографа, законченная к началу Великой Отечественной войны, представляла собой фундаментальную работу, написанную на основе широчайшего фактического материала, с привлечением всей доступной на тот момент научной отечественной и зарубежной литературы. Об этом свидетельствует многостраничный библиографический указатель в конце книги. Изложенные в ней взгляды на возникновение и развитие монетного дела античности отражали сложившееся к этому времени в нумизматической историографии видение проблемы. Оно базировалось на данных античных письменных источников, которые сопоставлялись с доступным исследователям нумизматическим и археологическим материалом⁹⁹.

Сведения о появлении первой монеты для нас сохранили несколько античных авторов. Геродот, как до него еще Ксенофан (Pollux. IX. 83.), сообщает, что лидийцы были первыми, кто начал выпуск золотой и серебряной монеты (Herod. I. 94). У Страбона содержится упоминание о том, что аргосский царь Фидон изобрел меры, названные по его имени, а также чеканенную монету из серебра и иных металлов (Strabo. VIII. 3. 33). В другом месте Страбон ссылается на историка IV в. до н.э. Эфора, который сообщал, что Фидон первым на Эгине начал чеканить серебро (Strabo. VIII. 6. 16). О том, что Фидон первым отчеканил монету, пишет и Поллукс (Pollux. IX. 83). Грамматик V в. н.э. Орион к сообщению Эфора добавляет све-

⁹⁴ Смекалова 2005, 248–256.

⁹⁵ Там же, 253.

⁹⁶ Там же, 250–253.

⁹⁷ Там же, 253.

⁹⁸ Там же, 255.

⁹⁹ Зограф 1951, 24.

дения о том, что, когда Фидон выпустил первые монеты, он изъяс из обращения железные прутья, до этого использовавшиеся в качестве денег, и посвятил их в аргосский Герайон (Orion. Etymologicum. s.v. *οβολός*). О введении Фидоном новых мер и весов, а также чеканке первой монеты на Эгине сообщается и в знаменитой Паросской хронике¹⁰⁰.

Согласно данным письменных источников, в Афинах в 594–593 гг. до н.э., когда Солон отправлял обязанности архонта, была осуществлена замена фидоновских мер аттическими и введена мина, состоявшая не из 70, как раньше, а из 100 драхм (Aristot. Ath. Pol. 10; Plut. Solon. 15). Реформы Солона модифицировали уже существовавшую систему, корни которой, таким образом, должны были уходить в предшествующее столетие.

Несмотря на то что вопрос о времени правления Фидона дискутировался в научной литературе, отнесение его к первой половине VII в. до н.э. получило наибольшее признание. Вполне естественным поэтому было и датирование ранних эгинских монет второй четвертью VII в. до н.э.¹⁰¹

В пользу возникновения монетной чеканки в первой половине VII в. до н.э. свидетельствовали и данные археологических раскопок знаменитого храма Артемиды Эфесской, проведенных экспедицией Британского музея под руководством Д.Г. Хогарта в 1904–1905 гг. Результаты этих работ были опубликованы в 1908 г.¹⁰² В ходе раскопок, как считал Д.Г. Хогарт, были раскрыты остатки древнейшего храма, посвященного Артемиде (так называемый «храм А»), и найден закладной комплекс этого храма, включавший около тысячи изделий из золота, электра, серебра, слоновой кости. Среди находок из этого комплекса было обнаружено и 93 электровые монеты восьми номиналов – от полустатера до 1/96 статера. Подавляющее большинство из них было отчеканено по так называемому милетскому (лидийскому) стандарту (вес статера 14,1 г) и имело различные изображения на л.с., а на о.с. – вдавленный квадрат. Кроме того, был обнаружен небольшой клад из 19 электровых монет, спрятанных в глиняном сосуде.

В число этих находок входили отлитые в соответствии с милетским стандартом электровые слиточки без изображений, весом в 1/8 и 1/24 статера, монеты с вдавленным квадратом на о.с., но без изображений на аверсе, монеты, имевшие на л.с. вместо изображений параллельные линии, которые, очевидно, воспроизводили ребристую поверхность наковален, на которых производилась чеканка¹⁰³.

Перечисленные находки относились, безусловно, к категории так называемых «протомонет», представлявших последовательные этапы той эволюции, которую прошли первые монеты до появления на их л.с. устойчивых изображений. Засвидетельствованное археологически одновременное обращение протомонет и собственно монет указывало на то, что находки из Артемисия относились к самому первому этапу существования монетного дела и установление их хронологии, таким образом, позволяло ответить и на вопрос о времени появления первой монеты. Д.Г. Хогарт полагал, что древнейший храм Артемиды, из основания которого происходят перечисленные находки, был разрушен и сожжен киммерийцами ок. 660 г. до н.э., а его возведение относилось к 700 г. до н.э.¹⁰⁴ Поскольку

¹⁰⁰ Jacoby 1904, 11, 30, v. 45–47; 93–94.

¹⁰¹ Ср. Зорграф 1951, 24.

¹⁰² Hogarth 1908.

¹⁰³ Head 1908, 77–79; Robinson 1951, 166–167; Kraay 1976, 21–22.

¹⁰⁴ Hogarth 1908, 239–240.

закладной комплекс, включавший монеты, был одновременен строительству храма, появление первых монет должно было относиться к концу VIII – началу VII в. до н.э. Эта дата хорошо соответствовала античной письменной традиции, связывавшей появление первых монет на Эгине с именем Фидона, а в Малой Азии – с лидийскими царями или с женой фригийского царя VIII в. до н.э. Мидаса – Гермодикой (Демодикой) (Pollux. IX. 83). В русле подобной хронологии было и соотнесение первых коринфских монет с деятельностью местных тиранов Кипсела и Периандра, правивших в третьей четверти VII в. до н.э.¹⁰⁵ Комбинация данных письменных и археологических источников, таким образом, позволила западной науке создать непротиворечивую на тот момент концепцию появления первой монеты в Восточном Средиземноморье, которая была воспринята А.Н. Зографом и другими отечественными исследователями.

Серьезному сомнению эта концепция впервые была подвергнута в 1951 г., когда П. Якобсталь и Э. Робинсон опубликовали статьи, посвященные детальному анализу археологического и нумизматического материала из раскопок Артемисия¹⁰⁶. Наряду с изделиями, традиционно датировавшимися первой половиной VII в. до н.э., П. Якобсталь выделил среди материалов из закладного комплекса Артемисия вещи, относящиеся к концу VII – началу VI в. до н.э.¹⁰⁷, что позволило сделать уверенный вывод о сокрытии этого комплекса не ранее первого десятилетия VI в. до н.э.¹⁰⁸ Это заключение, в свою очередь, с неизбежностью вновь поставило на повестку дня вопрос о времени появления первой монеты. Э. Робинсон, посвятивший анализу монетного комплекса из Артемисия специальную статью, показал, что если его сокрытие (как свидетельствует сопутствующий археологический материал) произошло ок. 600 г. до н.э., появление первых монет, которые были в нем найдены, скорее всего, имело место примерно за поколение до этого, т.е. в середине третьей четверти VII в. до н.э.¹⁰⁹ Исследователь продемонстрировал также беспочвенность предположения Д.Г. Хогарта о связи разрушения открытого им раннего храма Артемиды с нашествием киммерийцев, упоминаемым в античных и восточных письменных источниках и датированном учеными ок. 652 г. до н.э.¹¹⁰ Э. Робинсон указал, что повышение даты появления первых электроновых лидийских и малоазийских монет влечет за собой и необходимость переосмысления хронологии ранних серебряных чеканок собственно Греции. Первые серебряные греческие монеты не демонстрируют тех ступеней поступательного развития, которые характерны для электроновых выпусков, и поэтому вряд ли возможно датировать начало наиболее ранней эгинской чеканки временем раньше последней четверти VII в. до н.э. и увязывать его с деятельностью Фидона. Это, в свою очередь, ставит под сомнение гипотезу о появлении первых монет в Коринфе ранее времени Периандра и позволяет отнести первые афинские монеты к концу 90-х годов VI в. до н.э.¹¹¹

¹⁰⁵ Kagan 1982, 344.

¹⁰⁶ Jacobsthal 1951, 85–95; Robinson 1951.

¹⁰⁷ Jacobsthal 1951, 90–93.

¹⁰⁸ Robinson 1951, 156.

¹⁰⁹ Ibid., 165; Robinson 1956, 4.

¹¹⁰ Подробный разбор литературной традиции о киммерийском вторжении в Малую Азию см. Weidauer 1975, 73–76; Kagan 1982, 348–353; Robinson 1956, 6–8. В новейшей историографии это событие датируется 644 г. до н.э.: Иванчик 1996, 110–121; 2001, 72–73.

¹¹¹ Robinson 1951, 165–166. Ср. Head 1911, 310–311.

Выводы П. Якобсталя и Э. Робинсона получили широкое признание в среде западных ученых и ознаменовали собой начало нового этапа в формировании современной концепции зарождения и хронологии ранней греческой чеканки. Главными особенностями этого этапа стали критический подход к сведениям античной письменной традиции, всестороннее использование данных археологии и кладовых находок, разработка подробных хронологических и классификационных схем монетного дела различных греческих полисов, опирающаяся на штемпельный анализ всего доступного нумизматического материала¹¹².

Полученные в последние десятилетия археологические данные подтвердили правильность сдвига датировок ранних античных монет в сторону омоложения. Прежде всего необходимо упомянуть результаты раскопок австрийских археологов, доследовавших остатки храма Артемиды Эфесской, открытого Д.Г. Хогартом. Работы 1987 г., проведенные здесь под руководством А. Баммера, показали, что так называемое прямоугольное основание (*basis*) «храма А», которое Д.Г. Хогарт считал наиболее ранним культовым сооружением, гибель которого связывал с вторжением киммерийцев и внутри которого обнаружил основную массу электроновых монет и других драгоценных изделий («*foundation-deposit*»), на самом деле является наиболее поздним среди построек, существовавших на этом месте¹¹³. Стены «храма А» подстилались слоем наносного песка, под которым скрывались остатки архаического периптера, время возведения которого по сопутствующим находкам керамики надежно датировалось второй половиной VIII в. до н.э.¹¹⁴ В течение VII – начале VI в. до н.э. из-за постоянной угрозы наводнения фундаменты этого храма регулярно усиливались, а стены надстраивались. Окружавшие «храм А» стены «храма В» принадлежали целле периптера, их подошвы залегали гораздо ниже частично сохранившихся стен «храма А», которые на самом деле не являлись остатками какой-либо постройки, а представляли собой перемещенные каменные блоки, возможно, во вторичном использовании, обманчивая регулярность расположения которых навела Д.Г. Хогарта на мысль об их принадлежности основанию раннего храма¹¹⁵. Никаких следов разрушения располагавшихся в этом месте культовых построек, которые можно было бы связать с киммерийским вторжением, обнаружить не удалось и предложенная Д.Г. Хогартом связь датировки монет и вотивных приношений из закладного комплекса «храма А» с этим событием не подтвердилась¹¹⁶.

¹¹² Необходимо отметить, что ряд западных исследователей придерживается традиционной точки зрения на начало чеканки монеты в различных греческих центрах. Они подвергают сомнению не только возможность использования данных кладов для реконструкции хронологии ранних греческих монет, но и целесообразность использования при этом такого критерия как степень изношенности или потертости монет из кладовых комплексов. Приоритетное значение для них по-прежнему имеют свидетельства письменных источников, а также стилистическое сравнение монетных типов с широким кругом изображений в греческом искусстве конца VIII – VII в. до н.э., временем создания которых они датируют и сами монеты: Cahn 1975, 85–87; 1977, 281–284; Weidauer 1975, 76–80; 1982, 39–45; Kagan 1982, 343 f.; Holloway 1999, 5–15; Stingl 2000/2001, 44; Işık 2003, 62. Обзор сложившихся в нумизматической науке к середине XX в. представлений о хронологии начала монетной чеканки в греческих полисах предлагает статья Э. Шонерт-Гайс: Schönert-Geiss 1987, 415–440.

¹¹³ Bammer 1990, 137.

¹¹⁴ Ibid., 141–142.

¹¹⁵ Ibid., 138, 142, 144.

¹¹⁶ Bammer 1984, 172, 228.

Стены целлы были использованы в качестве фундамента для возведения здания из мрамора, которое было атрибутировано А. Баммером как наиск, находившийся во дворе диптера, строительство которого связывалось с именем Креза¹¹⁷. По справедливому замечанию исследователя, это обстоятельство играет решающую роль в вопросе о датировке электровых монет, обнаруженных при раскопках Артемисия¹¹⁸. Проведенные исследования показали, что эти монеты не были частью закладного комплекса (foundation-deposit), как считалось со времен Д.Г. Хогарта, а наряду с другими предметами votive характера в качестве «священного мусора» из соображений пиетета перед божеством были сброшены в основание наиска во время его сооружения. Таким образом, *terminus ante quem* для этих монет можно считать 560 г. до н.э., т.е. время вступления Креза на трон, вскоре после чего могло начаться строительство храма, связываемого с именем лидийского царя¹¹⁹.

Ряд соображений позволяет примерно определить и нижнюю хронологическую границу появления первых электровых монет. Ограниченное количество штемпелей, использованных для чеканки электра, обнаруженного как при раскопках Артемисия, так и в других местах, свидетельствует о выпуске этих монет в течение относительно короткого промежутка времени, а находки различных типов в одном археологическом контексте или кладе – об одновременном нахождении в обращении¹²⁰. Очевидная стилистическая и технологическая близость между первыми электровыми монетами с головой льва на реверсе, лидийское происхождение которых не вызывает сомнений¹²¹, и монетами Креза (561–546 гг. до н.э.) говорит в пользу того, что эти выпуски должен был разделять не очень значительный хронологический промежуток¹²². Сосуд (ольпа), в котором были найдены 19 электровых монет тех же типов, что и остальные монеты из раскопок Артемисия, относится к третьей четверти VII в. до н.э., однако был использован для сокрытия клада (pot-hoard) явно после длительного употребления и утраты своей ценности как сосуда (отбита ручка, пробито отверстие в донце)¹²³. Все сказанное позволяет сегодня относить появление первых электровых монет ко времени не ранее последней четверти VII в. до н.э., возможно, ближе к концу столетия¹²⁴.

Пересмотр датировок первых электровых монет повлек за собой и изменение традиционной хронологии ранней серебряной чеканки греческих полисов. Начало этому процессу было положено революционной работой К. Крея, посвященной хронологии и классификации так называемых афинских «сόвок» архаического периода¹²⁵. Он предложил собственную классификацию афинских монет с изображением головы Афины на л.с. и совы – на о.с., построенную как на анализе

¹¹⁷ Bammer 1990, 142, 144, 147, fig. 14.

¹¹⁸ Ibid., 148.

¹¹⁹ Ibid., 150.

¹²⁰ Price 1983, 2; Spier 1998, 332, fig. 1.

¹²¹ Weidauer 1975, 65–66.

¹²² Price 1983, 4.

¹²³ Willams 1991–1993, 100–101, pl. 7–9.

¹²⁴ Price, Waggoner 1975, 123; Holle 1978, 16–18; Price 1983, 4; Holloway 1984, 17–18; Furtwängler 1986, 164; Carradice, Price 1988, 20, 24; Karwiese 1991, 27; Konuk 2005, 43, n. 2. Наиболее раннее известное сегодня письменное упоминание монеты, содержится, вероятно, в утерянной поэме лесбосца Алкея (после 610 г. до н.э.), отрывок из которой сохранился на фрагменте папируса. В нем упоминаются 2000 статеров, которые лидийцы выплачивали наемникам (?) за взятие священного города, см. Melville-Jones 2006, 23.

¹²⁵ Kraay 1956, 43–68.

внешних особенностей этих монет (форма и размер монетного кружка, детали изображений и легенды), так и на учете встречаемости «сóвок» вкладах. Сохранив предложенное Ч. Зельтманом¹²⁶ деление этих монет на стилистико-типологические группы, К. Крей, исходя из указанных критериев, изменил их относительный порядок. Отметив отсутствие архаических «сóвок» вкладах, датируемых последними годами VI в. до н.э. и зафиксировав начало их появления в кладовых комплексах, сокрытых после 500 г. до н.э. и в первые годы V в. до н.э., К. Крей пришел к выводу о том, что начало выпуска этих монет вряд ли имело место много раньше первых лет правления Гиппия, т.е. 527–520 гг. до н.э.¹²⁷ О невозможности предлагавшегося Ч. Зельтманом вслед за Б. Хедом отнесения начала чеканки «сóвок» к 60-м годам VI в. до н.э. или ранее¹²⁸, по мнению К. Крея, свидетельствовал также развитый изобразительный тип о.с. этих монет, появление которого становится характерным для греческих выпусков только ближе к концу VI в. до н.э., использование в качестве основного номинала чеканки такой крупной единицы как тетрадрахма, которая для середины столетия была скорее исключением, и, наконец, помещение на монеты название города, которое также распространяется на архаических выпусках ближе к концу столетия¹²⁹. Окончание выпуска «сóвок» архаического типа на основании данных так называемого «клада с Акрополя» и штемпельного анализа К. Крей относил к 480–479 гг. до н.э. После этой даты на шлеме Афины появляется оливковый венок, а на о.с. возле изображения совы – полумесяц¹³⁰.

Поскольку производству «сóвок» в Афинах предшествовала чеканка серебряных дидрахм (так называемые *Wappenmünzen*), последним выпускам которых, как впервые показал К. Крей, были весьма близки начальные группы тетрадрахм с Афиной и совой¹³¹, необходимо было решить вопрос и о времени начала чеканки этих первых афинских монет. Исходя из анализа самого нумизматического материала – все известные на то время *Wappenmünzen* относились к 14 типам и были чеканены примерно 40 лицевыми штампами, – К. Крей предположил, что при условии использования одного штампа в год и возможности отсутствия чеканки в некоторые года (на что им условно отводилось 10 лет), максимальная продолжительность выпуска *Wappenmünzen* могла составить около 50 лет, что было, по его словам, весьма щедрой цифрой¹³². Отсюда следовало, что начало чеканки собственной монеты в Афинах могло приходиться на 575 г. до н.э. или немногим более позднюю дату¹³³. Естественно, возникал вопрос, как увязать подобную датировку с сообщениями письменных источников о реформах Солон в 90-х годах VI в. до н.э., которые традиционно рассматривались как свидетельство существования в Афинах собственной монеты уже в начале VI в. до н.э.

К. Крей показал, что сообщение о разделении мины на 100 драхм, вместо прежнего деления на 70 драхм (Aristot. Ath. Pol. 10; Plut. Solon. 15), которое ввел Солон, касалось весовых стандартов, использовавшихся в начале VI в. до

¹²⁶ Seltman 1924.

¹²⁷ Kraay 1956, 48–52, 59.

¹²⁸ Head 1911, 310–311; Seltman 1924, 40 f.

¹²⁹ Kraay 1956, 60–62.

¹³⁰ Ibid., 55–58.

¹³¹ Ibid., 44–47.

¹³² Ibid., 65, n. 1.

¹³³ Ibid., 65.

н.э. в Афинах, перехода от использования эгинской весовой системы к аттической, и слово «драхма» в данном контексте могло означать только единицу веса, а не монету¹³⁴. Подобно тому, как сообщения древних авторов о введении Фидоном новых мер и посвящении им железных прутков (оболов) в Герайон были дополнены приписыванием ему и изобретения монеты, сообщения о введении Солоном новых мер и весов были поняты позднее как доказательство существования монеты уже в солоновское время. В обоих случаях источником подобной ошибочной интерпретации являлся, очевидно, факт употребления в текстах таких терминов, как «драхма» и «обол», изначально служивших для обозначения весовых единиц серебра, но позднее прочно ассоциировавшихся с монетными номиналами¹³⁵.

Выводы К. Крея, базировавшиеся на тщательном учете всего комплекса доступных источников, не только получили широкую поддержку нумизматов, но и были дополнены рядом новых аргументов, позволивших уточнить хронологию как архаических афинских монет, так и ранних монетных серий других греческих центров.

У.П. Уоллес вновь обратил внимание на вероятную связь перехода от чеканки *Warrenmünzen* к выпуску «сóвок» с изгнанием афинских тиранов в 511–510 гг. до н.э. и отнес время производства «сóвок» с изображением головы Афины в шлеме без оливкового венка к периоду 510–490 гг. до н.э.¹³⁶ Большая часть этих монет была, по его мнению, в отличие от *Warrenmünzen*, отчеканена после 500 г. до н.э. из местного аттического серебра, когда в Лаврийских рудниках были открыты богатейшие залежи серебряных руд так называемого «третьего контакта»¹³⁷.

¹³⁴ Kraay 1956, 66.

¹³⁵ *Ibid.*, 67. Об использовании весового серебра в качестве денежного эквивалента в Афинах времени Солона см. Rhodes 1975, 6–7. Поддерживая точку зрения К. Крея, Дж. Кролл обратил внимание на Ближний Восток, где начиная с III тыс. до н.э., взвешенное предварительно серебро наряду с зерном обладало всеми денежными функциями, и откуда происходит значительное количество кладов весового серебра (*Hacksilber*), ранее рассматривавшихся как клады ювелиров (Kroll 1998, 229). Последний обзор находок кладов *Hacksilber* из Иордании, относящихся к XII–VII вв. до н.э., и трактовка *Hacksilber* в качестве непосредственного предшественника монеты содержится в: Thompson 2003, 67–107. Отсутствие находок подобных кладов в самой Греции Дж. Кролл объясняет тем фактом, что археологические исследования концентрировались здесь прежде всего на раскопках святилищ и некрополей, где подобные находки наименее вероятны. Городские же слои VII–VI вв. до н.э. сильно нарушены последующей интенсивной застройкой (Kroll 1998). Однако он упоминает о находке *Hackgold*, датированной концом VIII в. до н.э. и происходящей из раскопок дома в Эретрии. Помещенная в позднегеометрический скифос эта находка, по сути, представляла типичный для *Hacksilber* комплекс многочисленных фрагментов золотых слитков, бесформенных кусков металла и обломков ювелирных украшений весом чуть больше полукилограмма, т.е. мины (Kroll 2001, 77–78). Переход к практике использования предварительно взвешенного серебра в качестве денежного средства в Греции, по мнению Дж. Кролла, имел место в VII в. до н.э., когда этот металл стал более доступным (Kroll 1998, 230–231; 2001, 78; 2008, 23–24, 34–35).

¹³⁶ Идея, первоначально высказанная Э. Беле (Beulé 1858, 33 f.; Wallace 1962, 24, 35). Возражения К. Крея против верхней хронологической границы, предложенной У.П. Уоллесом, а также исключительно македонского происхождения серебра, из которого чеканились *Warrenmünzen*, см. Kraay 1962, 417–423.

¹³⁷ Wallace 1962, 32, 35.

Начало чеканки *Warrenmünzen* и, следовательно, монетной чеканки в Афинах он связывал с приходом к власти Писистрата в 546 г. до н.э., проводя параллели между первыми монетами Афин, Халкиды и Эретрии¹³⁸.

Р.Т. Уильямс, поддерживая выводы К. Крея и У.П. Уоллеса, показал, что используемая на «сówках» форма шлема Афины, как свидетельствуют аналогии на аттической расписной керамике, вряд ли могла появиться ранее 525 г. до н.э.¹³⁹ Введение «сówок» он связал с упоминаемым в Псевдо-Аристотелевой «Экономике» историческим анекдотом, приписывающим Гиппию реформу монетного дела в Афинах, заключавшуюся в отзыве прежней монеты, надчеканке ее новыми штемпелями и выпуске в обращение по двойной стоимости. Переход от прежнего номинала *Warrenmünzen* – дидрахм, к новому, в два раза большему – тетрадрахам, сопровождавшийся изменением типов л. и о.с., вполне соответствовал смыслу этого сообщения¹⁴⁰.

Публикация новых кладов, содержащих архаические «сówки» и сокрытых в первые десятилетия V в. до н.э., также свидетельствовала в пользу более высокой хронологии данных монет¹⁴¹. Среди материалов всех кладов имелись монеты самосских изгнанников, чеканенные в Занкле в 494/493–489 гг. до н.э. и дававшие надежный *terminus post quem* для определения даты сокрытия кладовых комплексов¹⁴².

Интереснейший материал, имеющий непосредственное отношение к датировке ранних «сówок», был опубликован в 1976 г. Ч. Старром¹⁴³. Речь шла о глиняных табличках, обнаруженных при раскопках Персеполя в 1933–1934 гг. и содержавших записи финансового характера на эламском языке (так называемые «*Fortification Tablets*»), относившиеся к различного рода выплатам или выдачам продуктов для служебных поездок. Подавляющее большинство табличек было датировано годами правления Дария I, начиная с 13-го и по 28-й год (509–494 гг. до н.э.)¹⁴⁴. Нередко на табличках имелись оттиски печатей, принадлежавших как чиновнику, ответственному за выдачу или выплату, так и их получателю. На двух подобных табличках в качестве печати получателя была оттиснута оборотная сторона афинской архаической тетрадрахмы с изображением совы¹⁴⁵. Судя по оттиску, тетрадрахма принадлежала к группе Н по классификации Ч. Зельтмана – наиболее ранней группе афинских архаических «сówок», согласно К. Крею¹⁴⁶. К сожалению, в обоих случаях дата на табличках была утрачена. Принимая во внимание указанные выше хронологические рамки изготовления подавляющего большинства табличек

¹³⁸ Ibid., 1962, 36. В своей поздней обобщающей работе, посвященной греческой монетной чеканке архаического и классического времени, К. Крей поддержал эту датировку (Kraay 1976, 58).

¹³⁹ Williams 1966, 9. Несколько позднее Э. Равен также, сравнивая изображение шлема Афины на архаических «сówках» с изображениями на расписной афинской керамике, отметил, что используемая на монетах форма шлема с низким султаном широко распространяется лишь на краснофигурных вазах, после 520 г. до н.э., поэтому наиболее вероятно отнесение начала выпуска этих монет к 520–512 гг. до н.э. (Raven 1968, 58, n. 2).

¹⁴⁰ Williams 1966, 12–13.

¹⁴¹ Robinson 1961, 107–117; Kraay 1975, 150–154; Price, Waggoner 1975, 56–66.

¹⁴² См. Kroll, Waggoner 1984, 327.

¹⁴³ Starr 1976, 219–222.

¹⁴⁴ Ibid., 219.

¹⁴⁵ Ibid., fig. 1.

¹⁴⁶ Ibid., 221.

глиняного архива Персеполя, Ч. Старр пришел к заключению, что выпуск монет группы Н должен был иметь место незадолго до 500 г. до н.э., что безусловно являлось еще одним веским доказательством в пользу датировок, предложенных К. Креем и другими учеными¹⁴⁷. Несколько позднее М.К. Рут, готовившая к публикации каталог табличек и встреченных на них оттисков печатей, отметила, что с оттиском реверса афинской монеты сочетался оттиск печати № 142, встреченной на нескольких тысячах табличек, датированных 23-м годом правления Дария I (499 г. до н.э.)¹⁴⁸. Выводы Ч. Старра, таким образом, нашли убедительную поддержку.

Дж. Кролл показал, что по аналогии с многотиповыми чеканками таких малоазийских городов, как Кизик, Митилена, Фокея, выпуск *Warrenmünzen*, демонстрирующих регулярную смену типов изображений на л.с., мог с большой вероятностью осуществляться на ежегодной основе. Использование принципа не постоянного, а меняющегося изображения л.с. было связано с необходимостью контроля над чеканкой, при котором то или иное изображение являлось знаком магистрата, ответственного за данный выпуск¹⁴⁹. Добавив к 14 известным на дидрахмах и тетрадрахмах изобразительным типам л.с. еще четыре изображения, встреченные на фракциях, и отводя на чеканку каждого выпуска год, а для заключительного обильного выпуска тетрадрахм типа «горгонейон – голова льва» еще один–два года, Дж. Кролл пришел к выводу, что непрерывная чеканка *Warrenmünzen* с начала и до введения «сóвок» могла продолжаться 18–20 лет¹⁵⁰. Допуская вероятность того, что в отдельные годы чеканка могла и не производиться, исследователь заключил, что в этом случае длительность выпуска первых афинских монет не превышала 30 лет. Относя начало чеканки «сóвок» к правлению Гиппия, ок. 517–515 гг. до н.э., Дж. Кролл полагал, что *Warrenmünzen* стали выпускаться между 546 г. и 535 г. до н.э.¹⁵¹

Труды западных ученых 80-х годов XX в. в определенной степени подвели итоги многолетней работе над хронологией ранней афинской чеканки. Объективные возможности для ее уточнения, предоставляемые как археологическим, так и самим нумизматическим материалом, оказались практически исчерпаны. Дальнейшие попытки сузить хронологические интервалы начала чеканки *Warrenmünzen* и «сóвок» опирались в основном на соображения общен исторического порядка и, хотя нередко были весьма интересны, в значительной степени носили гипотетический характер¹⁵². Несомненно, только дальнейшая аккумуляция археолого-нумизматического материала и публикация новых находок из хорошо датированных

¹⁴⁷ Ibid., 222.

¹⁴⁸ Root 1988, 9–10. Сведения о находке еще двух оттисков с реверса «сóвок» см. Kagan 1994, 50, n. 62.

¹⁴⁹ Kroll 1981, 5–7; Kroll, Waggoner 1984, 331–332. См. Furtwängler 1982, 20–22.

¹⁵⁰ Kroll 1981, 23.

¹⁵¹ Ibid., 29–30.

¹⁵² Ср. Dawson 1999, 71–77; Flament 2007, 9, 16, 27–28. Основные посылы гиперкритичной объемной статьи М. Викерса (Vickers 1985), в которой автор предложил кардинальное омоложение хронологии всей греческой чеканки (в отношении афинских монет: начало выпуска *Warrenmünzen* во времена Клисфена и появление первых «сóвок» после греко-персидских войн – 29, 31 f.), не согласуются с известными и проверенными археологическими свидетельствами, см. Starr 1976; Root 1988. В отечественной историографии вопрос о начальных этапах монетной чеканки Афин рассматривался И.Е. Суриковым (Суриков 2005, 9–10; 2007, 10–12).

контекстов способны дать основу для последующей плодотворной работы в этом направлении.

Поскольку монеты Эгины и Коринфа наряду с монетами Афин благодаря как сведениям письменных источников, так и своему безусловно архаическому (а в случае с эгинскими монетами – даже в определенной степени примитивному) облику, традиционно признавались древнейшими серебряными выпусками городов собственно Греции, необходимо кратко остановиться и на их хронологии.

Современная классификация архаических монет Эгины была разработана У. Брауном и Р. Холлоуэем¹⁵³. У. Браун разделил ранние эгинские монеты на пять групп в соответствии с рисунком их реверса¹⁵⁴. Р. Холлоуэй, проводивший штемпельное исследование более тысячи эгинских статеров, убедительно продемонстрировал, что различные типы реверса, выделенные У. Брауном, в значительной степени использовались одновременно, поскольку монеты с различными реверсами чеканились одними и теми же лицевыми штемпелями¹⁵⁵. Этот факт, дополненный данными многочисленных кладов, свидетельствовал о весьма интенсивной чеканке монет 2–4-й групп, пик которой приходился на рубеж VI–V вв. до н.э.¹⁵⁶ В пользу подобной датировки говорили и данные анализа состава металла нескольких десятков эгинских статеров 2-й группы. Наряду с монетами, чеканенными из серебра рудников Сифноса и Македонии, в этой группе появляются экземпляры, изготовленные из лаврийского серебра¹⁵⁷. Впервые из этого серебра в начале последней четверти VI в. до н.э. стали чеканиться заключительные выпуски *Warrenmünzen* с изображением горгонейона на л.с. и ранние группы «сóвок»¹⁵⁸. Однако лишь с открытием богатейших залежей так называемого «третьего контакта» ок. 500 г. до н.э. или чуть позже¹⁵⁹ лаврийское серебро стало производиться в количестве, достаточном для чеканки всей той огромной массы позднеархаических афинских монет, которая увидела свет в первые два десятилетия V в. до н.э., предшествующих персидскому нашествию.

Особое значение для датировки архаических монет Эгины имеет находка, сделанная при раскопках Зала Приемов (так называемой «Ападаны») во дворце Дария I в Персеполе¹⁶⁰. В северо-восточном и юго-восточном углах этого помещения Э. Херцфельдом в 1933 г. были обнаружены закладные комплексы в виде двух каменных ящиков (с золотыми и серебряными пластинами внутри), под каждым из которых лежало по четыре золотых и две серебряных монеты¹⁶¹. Серебряные монеты были представлены статерами Эгины, двух кипрских центров (Пафос и неизвестный центр¹⁶²) и тетрадрахмой Абдер, золотые – легкими статерами

¹⁵³ Brown 1950, 177–204; Holloway 1971, 1–21.

¹⁵⁴ Brown 1950, 182–187.

¹⁵⁵ Holloway 1971, 5–6.

¹⁵⁶ Kroll, Waggoner 1984, 337–338, tab. II.

¹⁵⁷ Gale, Gentner, Wagner 1980, 28, tab. 7.

¹⁵⁸ Kroll 1981, 14; Paszthory 1982, 35–36.

¹⁵⁹ Wallace 1962, 28–29, 32; Picard 2001, 6–8.

¹⁶⁰ Раскопки Восточного института при университете Чикаго в 1931–1934 гг. (Schmidt 1953, 70).

¹⁶¹ Schmidt 1957, 113–114, nos. 27–39.

¹⁶² Kagan 1994, 37.

Креза¹⁶³. Еще одна кипрская монета, принадлежавшая, по всей вероятности, чеканке Лапетуса, была обнаружена Э. Шмидтом в следующем году¹⁶⁴.

Одинаковые по содержанию надписи-трилингвы на золотых и серебряных пластинах прославляют Дария I и, что особенно важно, сообщают о границах Персидской державы в момент начала строительства Ападаны. Отсутствие в них упоминаний о европейских владениях персидского царя дало основания предполагать, что строительство данного комплекса имело место до начала персидской экспансии во Фракию и Скифию, и соответственно датировать возведение Ападаны в пределах предпоследнего десятилетия VI в. до н.э.¹⁶⁵ Закладные комплексы Ападаны, таким образом, являются одним из немногих археологических контекстов, имеющих достаточно надежную абсолютную датировку и позволяющих датировать найденные в них архаические монеты.

Статер Эгины из Ападаны принадлежит 2-й группе по классификации Брауна–Холлоуэя (морская черепаха с узким «воротником» на панцире – вдавленный квадрат в виде «Юнион Джека»)¹⁶⁶. Монета имеет хорошую сохранность – рельефные точки на панцире черепахи не стерты в результате длительного обращения. Это, в свою очередь, позволяет предполагать, что дата чеканки данной монеты близка времени включения ее в закладной комплекс, т.е. приходится примерно на 525–515 гг. до н.э. Данная датировка подтверждается и находкой клада архаических монет близ Селинунта. В этом кладе, сокрытом ок. 510–500 гг. до н.э., статеры Эгины (в том числе 2-й группы) составляли около половины всех обнаруженных монет¹⁶⁷.

Примерную дату начала монетной чеканки на острове можно определить, если учесть, что появлению 2-й группы¹⁶⁸ предшествовал выпуск самых ранних статеров, изготовленных на округлых кружках, не подвергавшихся уплощению вокруг *quadratum incusum* с неоформившимся рисунком, отдаленно напоминавшим внутреннее заполнение реверса на ионийских электровых монетах или рисунок английского флага (так называемый *pre-Union Jack*)¹⁶⁹. Эти первые и довольно редкие монеты Эгины были биты 16 штемпелями л.с.¹⁷⁰ и период их производства вряд ли превышал 20–25 лет. Поэтому датировка начала эгинской чеканки 560–550 гг. до н.э., базирующаяся как на свидетельствах многочисленных кладов, так и поштемпельном изучении монет, в настоящее время представляется наиболее обоснованной и взвешенной¹⁷¹.

¹⁶³ IGCH 1973, № 1789; Kagan 1994, pl. 7, A–B.

¹⁶⁴ Ibid., 38; Meadows 2003, 342–344.

¹⁶⁵ Schmidt 1953, 70. Проблема датировки строительства Ападаны, тесно связанная с интерпретацией надписей из закладных комплексов, имеет весьма обширную литературу. Ее обзор и новейшие исследования на эту тему см. Vickers 1985, 4–6; Root 1988, 1–5; 1989, 35–36, 39; Calmeyer 1989, 51–59; Jakobs 1997, 286; Zournatzi 2003, 6, 9–11.

¹⁶⁶ Schmidt 1957, 113, № 27.

¹⁶⁷ Arnold-Biucchi, Beer-Tobey, Waggoner 1988, 17–18, 21, 35.

¹⁶⁸ Ее начало датируется авторами публикации ок. 535/530 гг. до н.э. Ibid., 14–17.

¹⁶⁹ «Early Linked Series» по терминологии Р. Холлоуэя (Holloway 1971, 12).

¹⁷⁰ Среди более чем 1000 изученных им архаических эгинских монет Р. Холлоуэй смог зарегистрировать 44 монеты этой группы, что дает достаточно высокий индекс сохранности штемпелей и свидетельствует о малой вероятности появления неизвестных штемпелей л.с. в будущем (Ibid., 13).

¹⁷¹ См. Price, Waggoner 1975, 76; Kroll, Waggoner 1984, 339.

Общепринятая и поныне классификация архаических монет Коринфа была разработана О. Равелем¹⁷². Монеты группы I, имевшие изображения только на л.с., по типу реверса были разделены им на три подгруппы: I.1 – вдавленный квадрат в виде крыльев ветряной мельницы или «Юнион Джека», как на эгинских монетах, I.2 – вдавленный квадрат в виде свастики, I.3 – вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, с рельефными выступами, образующими свастику, в каждом из сегментов *quadratum incusum*. В группу II были включены первые коринфские монеты с изображением головы Афины во вдавленном квадрате на о.с.

Появление изображения на о.с. коринфских монет ок. 510–500 гг. до н.э. подтверждается данными кладов. Коринфские статеры с головой Афины на о.с. отсутствуют в кладах, сокрытых до этого времени¹⁷³. В пользу того, что это нововведение все же имело место ближе к концу указанного периода, свидетельствует факт использования статеров только группы I для перчеканки их на монетном дворе Метапонта после 510 г. до н.э.¹⁷⁴

Для уточнения хронологии монет Коринфа важным также является существование афинской *Warpenmünze* с горгонейоном на л.с., перчеканенной из коринфского статера группы I.2. Поскольку выпуск этих афинских монет имел место в самом конце третьей четверти VI в. до н.э., непосредственно перед началом производства первых «сóвок» (см. выше), а коринфский статер был чеканен лицевым штемпелем P36 – согласно О. Равелю, девятнадцатым по счету штемпелем л.с. в последовательности из 42 лицевых штемпелей группы I.2¹⁷⁵, начало выпуска этой группы должно было относиться к третьей четверти столетия. Если же учесть, что статеры группы I.1 были чеканены 17 лицевыми штемпелями, то общее количество штемпелей, предшествовавших использованию штемπεля данной коринфской монеты, составит 35. Если допускать использование монетным двором возможного минимального количества лицевых штемпелей в год, которое равняется одному штемпелю, то продолжительность этой чеканки составит 35 лет, и начало производства собственной монеты в Коринфе должно поэтому относиться примерно к 560 г. до н.э.¹⁷⁶ Однако поскольку, с одной стороны, как свидетельствуют материалы других центров, для чеканки монеты, как правило, использовалось большее количество лицевых штемпелей, а с другой стороны, рисунок реверса коринфских монет группы I в виде «Юнион Джека» мог появиться только после начала чеканки статеров Эгины, которые он, очевидно, имитировал, наиболее вероятен несколько более поздний выпуск первой монеты в Коринфе – ок. 550 г. до н.э.¹⁷⁷

Рассмотренные выпуски Афин, Эгины, Коринфа относятся к первым образцам серебряной чеканки собственно Греции. Ряд греческих центров Малой Азии начинает выпуск электровой монеты значительно раньше, еще в конце VII – начале VI в. до н.э.¹⁷⁸ В рамках созданной в Лидии монометаллической монетной системы и тесных торгово-экономических связей, существовавших между Лидийским царством и этими греческими центрами, чеканка ими собственной электровой монеты

¹⁷² Ravel 1936.

¹⁷³ Price, Waggoner 1975, 76–79; Kroll, Waggoner 1984, 337, tab. II; Arnold-Biucchi, Beer-Tobey, Waggoner 1988, 25 f.

¹⁷⁴ Kroll, Waggoner 1984, 334, n. 58.

¹⁷⁵ Ibid., 333–334, n. 57.

¹⁷⁶ Ibid., 334–335.

¹⁷⁷ Ibid., 334, n. 64, 335; Price, Waggoner 1975, 79.

¹⁷⁸ Фокея, Кизик, Милет, Эфес, см Weidauer 1975, 65–67, 71; Mignucci 1992, 41–44.

была вполне оправдана¹⁷⁹. Однако переход к чеканке монеты из серебра здесь становится возможен и экономически целесообразен только после начала выпуска подобной монеты Лидийским царством в правление Креза (561–546 гг. до н.э.) и ее распространения в крупнейших торговых центрах материковой Греции¹⁸⁰. В таких городах Малой Азии, как Клазомены и Теос, имел место своеобразный переходный период, в течение которого осуществлялся параллельный выпуск электровых и серебряных монет, чеканенных по одному весовому стандарту, предполагавшему как их легкий размен друг на друга, так и существование устойчивого обменного курса для обоих металлов¹⁸¹.

Появление первых монет в островных греческих центрах Восточного Средиземноморья датируется сегодня концом третьей четверти VI в. до н.э.¹⁸² Не ранее этого же времени начинается монетная чеканка на Эвбее¹⁸³. В Центральной Греции ее возникновение датируется концом VI в. до н.э.¹⁸⁴ Первые монетные выпуски полисов Фракии и Македонии благодаря кладовым находкам из Египта могут быть отнесены к двум последним десятилетиям VI в. до н.э.¹⁸⁵

Новейшие исследования в области архаических чеканок греческих городов Великой Греции и Сицилии свидетельствуют о том, что и здесь наиболее ранние выпуски собственной серебряной монеты приходится на начало второй половины или 40–30-е годы VI в. до н.э.¹⁸⁶

Литература

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. 1999: Таманский клад серебряных монет VI–IV вв. до н.э. // ВДИ. 3, 39–51.

Анохин В.А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Бертье-Делагард А.Л. 1913: Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС. 2, 19–134.

Голенко К.В. 1974: Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. XI, 61–93.

Голенко В.К. 2004: Еще раз о типологии раннего серебра Боспора // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца) / С.Г. Колтухов (ред.). Симферополь, 183–198.

Голенко К.В., Шелов Д.Б. 1963: Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. // НиС. 1, 3–65.

Завойкин А.А. 2002: Проблемы абсолютной и относительной хронологии монетного дела Боспора второй половины VI – первой половины IV вв. до н.э. // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / А.С. Мельникова (ред.). М., 19–22.

Зограф А.Н. 1951: Античные монеты. М.–Л.

¹⁷⁹ Carradice, Price 1988, 28; Keyser, Clark 2001, 116–117; Wallace 1987, 385–397; 2001, 128–129; Melville-Jones 2006, 24–26; 1998, 263; Konuk 2005, 52.

¹⁸⁰ О недавних находках фракций золотых и серебряных лидийских монет в слое персидского разрушения Сард в 547–546 гг. до н.э. см. Cahill, Kroll 2005, 589–591. О начале чеканки серебряной монеты греческими городами Малой Азии вскоре после 547 г. до н.э. см. Franke, Hirmer 1964, 121.

¹⁸¹ Işik 2003, 83; Matzke 2002, 32. Попытки Э. Ишика (Işik 2003, 75–76) и С. Карвизе (Karwiese 1995, 153–154) отнести начало серебряной чеканки греческих городов Малой Азии к первой половине VI в. до н.э. не выглядят убедительными, ср. Wartenberg 1997, 266.

¹⁸² Price, Waggoner 1975, 94–96; Arnold-Biucchi 2002, 48; Sheedy 2006, 6.

¹⁸³ Wallace 1962, 37–38; Carradice, Price 1988, 37.

¹⁸⁴ Ibid., 38.

¹⁸⁵ Ibid., 39; Price, Waggoner 1975, 32–46; Price 1987, 43.

¹⁸⁶ Carradice, Price 1988, 43–44; Arnold-Biucchi, Beer-Tobey, Waggoner 1988, 4–6; Historia Numorum 2001, 3.

- Иванчик А.И. 1996: Киммерийцы. М.
- Иванчик А.И. 2001: Киммерийцы и скифы. М.
- Коваленко С.А. 2005: О начале монетной чеканки на Боспоре // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 361–365.
- Крушкел Ю.С. 1950: Ранние монеты Пантикапея как исторический источник // ВДИ. 1, 183–188.
- Розов В.Н. 1983: Боспорские монеты VI–V вв. до н.э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975–1980 гг.) // СА. 2, 109–116.
- Скуднова В. 1950: Два клада монет из Нимфея // ВДИ. 4, 78–81.
- Скуднова В.М. 1961: Раскопки Нимфея в 1958 г. // КСИА. 83, 59–65.
- Смекалова Т.Н. 2005: Международная торговля зерном и появление первых монет на Боспоре // Боспорские чтения VI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 248–256.
- Стефанова А. 1984: Търговски врезки на Аполония Понтика V–IV в. пр. е. // Антична нумизматика в България. Международни изяви 1980–1982. София, 15–20.
- Стефанова А. 1992: Изследването на тегловните стандарти като метод за установяване на относителната хронология на сребърното монетосечение на Аполония Понтика // Годишник на Националния Археологически Музей. VIII, 379–386.
- Суриков И.Е. 2005: Некоторые соображения по поводу древнейших афинских монет // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / А.А. Молчанов (ред.). М., 9–10.
- Суриков И.Е. 2007: От Wappenmünzen к «Совам»: в поисках исторического контекста // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / В.А. Калинин (ред.). СПб., 10–12.
- Терещенко А.Е. 2002: О появлении монетного дела на Боспоре Киммерийском // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч. 1 / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 206–209.
- Терещенко А.Е. 2004: Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 24 с.
- Терещенко А.Е. 2005: Особеност на ранней анэпиграфной монетной чеканки Пантикапея // Stratum Plus. 3 (2003–2004), 235–244.
- Фролова Н.А. 1988: Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э. (По поводу выхода книги В.А. Анохина «Монетное дело Боспора»). Киев, 1986 // ВДИ. 2, 122–143.
- Фролова Н.А. 1992: Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора / В.Д. Кузнецов, Г.А. Кошеленко (ред.). М., 187–247.
- Фролова Н.А. 1996: Монетное дело Боспора середины VI – V в. до н.э. // РА. 2, 34–69.
- Шелов Д.Б. 1949: К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия // ВДИ. 1, 143–153.
- Шелов Д.Б. 1951: К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах // КСИИМК. XXXIX, 45–52.
- Шелов Д.Б. 1951а: Монетная система городов Боспора в VI–V вв. до н.э. // МИА. 19, 125–135.
- Шелов Д.Б. 1951б: К опубликованию двух кладов из Нимфея // ВДИ. 1, 263–264.
- Шелов Д.Б. 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.
- Шелов Д.Б. 1965: Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–V вв. до н.э. // НЭ. V, 31–50.
- Abramzon M.G., Frolova N.A. 2004: A Hoard of Silver Coins of the 6th–4th Centuries BC from the Taman Peninsula // RN. 160, 27–48.
- Arnold-Biucchi C. 2002: Some Remarks on the Coinages of South Italy and Etruria and those of Cyprus in the Archaic and Early Classical Period // Numismatica e antichità classiche. XXXI, 45–67.
- Arnold-Biucchi C., Beer-Tobey L., Waggoner N.M. 1988: A Greek Archaic Silver Hoard from Selinus // ANSMN. 33, 1–35.
- Babelon E. 1907: Traité des monnaies grecques et romaines. Vol. 1. II-e partie. P.
- Balcer J.M. 1995: The Persian Conquest of the Greeks 545–450 BC. Konstanz.
- Bammer A. 1984: Das Heiligtum der Artemis von Ephesos. Graz.
- Bammer A. 1990: A *Peripteros* of the Geometric Period in the Artemision of Ephesus // Anatolian Studies. XL, 137–160.
- Becker F. 1988: Ein Fund von 75 milesischen Obolen // SNR. 67, 5–30.
- Beulé E. 1858: Les Monnaies d'Athènes. P.

- Brown W.L. 1950: Pheidon's Alleged Aeginetan Coinage // NC. X, 177–204.
- Cahill N., Kroll J.H. 2005: New Archaic Coin Finds at Sardis // AJA. 109/4, 589–617.
- Cahn H. 1975: Dating the Early Coinage of Athens. Lecture Given at the American Numismatic Society. New York, April 7, 1971 // *Kleine Schriften zur Münzkunde und Archäologie*. Mainz, 81–96.
- Cahn H. 1977: Asiut. Kritische Bemerkungen zu einer Schatzfundpublikation // SNR. 56, 279–287.
- Calmeyer P. 1989: Das Datum der Gründunginschrift vom Apadana und die Krone der ältesten «Bogenschilden» // REA. XCI/1–2, 51–59.
- Carradice J., Price M. 1988: Coinage in the Greek World. L.
- Crawford M. 1970: Money and Exchange in the Roman World // JRS. 60, 40–48.
- Dawson S. 1999: The Athenian *Wappenmünzen* // Scholia. 8, 71–77.
- Dressel H., Regling K. 1927: Zwei ägyptische Funde altgriechischer Silbermünzen // ZfN. 37, 1–138.
- Flament Chr. 2007: Le monnayage en argent d'Athènes. De l'époque archaïque à l'époque hellénistique (c.550 – c. 40 av. J.-C.). Louvain-la-Neuve.
- Franke P., Hirmer M. 1964: Die griechische Münzen. München.
- Frolova Nina A. 1991: Frühe Münzen von Pantikapaion als historische Quelle // Klio. 73, 66–69.
- Frolova Nina A. 2004: Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). B.
- Furtwängler A. 1982: Griechische Vieltypenprägung und Münzbeamte // SNR. 61, 5–25.
- Furtwängler A. 1986: Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung // SNR. 65, 153–165.
- Gale N.H., Gentner W., Wagner G.A. 1980: Mineralogical and Geographical Silver Sources of Archaic Greek Coinage // *Metallurgy in Numismatics 1* / D.M. Metcalf, W.A. Oddy, M.M. Archibald (eds.). L., 3–49.
- Gardiner-Garden J.R. 1987: Dareios' Scythian Expedition and its Aftermath // Klio. 69, 326–350.
- Gardner P. 1882: Samos and Samian Coin // NC. II (Series 3), 201–290.
- Head B.V. 1892: Catalogue of the Greek Coins of Ionia in the British Museum. L.
- Head B.V. 1908: The Coins // *Hogarth D.G. Excavations at Ephesus – The Archaic Artemisia*. L., 74–93.
- Head B.V. 1911: *Historia Numorum*. Oxf.
- Hind J.G.F. 2008: Two Notes on Early Coin Types of Pantikapaion and Phanagoreia // NC. 168, 1–8.
- Historia Numorum 2001: Historia Numorum. Italy* / N.K. Rutter, A.M. Burnett, M.H. Crawford, A.E.M. Johnston, M. Jessop Price (eds.). L.
- Hogarth D.G. 1908: *Excavations at Ephesus – The Archaic Artemisia*. L.
- Holle B.F. 1978: Historical Considerations on the Origins and the Spread of Greek Coinage in the Archaic Age. PHD dissertation. Michigan.
- Holloway R.R. 1971: An Archaic Hoard from Crete and the Early Aeginetan Coinage // ANSMN. 17, 1–21.
- Holloway R.R. 1984: The Date of the First Greek Coins: Some Arguments from Style and Hoards // RBN. CXXX, 5–18.
- Holloway R.R. 1999: The Early Owls of Athens and the Persians // RBN. 145, 5–15.
- Howgego C.J. 1990: Why did Ancient States Strike Coins // NC. 150, 1–25.
- Ireland S. 2005: Review of the Book by Nina Frolova «Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.)». Berlin. 2004 // NC. 165, 385–388.
- Isik E. 2003: Frühe Silberprägungen in Städten Westkleinasiens. Saarbrücken.
- Jakobs B. 1997: Eine Planänderung an den Apadana-Treppen und ihre Konsequenzen für die Datierung der Planungs- und Bebauungsphasen von Persepolis // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 29, 281–302.
- Jacobsthal P. 1951: The Date of the Ephesian Foundation-Deposit // JHS. 71, 85–95.
- Jacoby F. 1904: *Das Marmor Parium*. B.
- Kagan D. 1982: The Dates of the Earliest Coins // AJA. 86/3, 343–360.
- Kagan J.H. 1994: An Archaic Greek Coin Hoard from the Eastern Mediterranean and Early Cypriot Chronology // NC. 154, 17–52.
- Karwiese S. 1991: The Artemisium Coin Hoard and the First Coins of Ephesus // RBN. CXXXVII, 1–28.
- Karwiese S. 1995: Die Münzprägung von Ephesos. I. Die Anfänge: Die ältesten Prägungen und der Beginn der Münzprägung überhaupt. Wien-Köln-Weimar.
- Keyser P.T., Clark D.D. 2001: Analyzing and Interpreting the Metallurgy of Early Electrum Coins // *Hacksilber to Coinage. New Insights into the Monetary History of the Near East and Greece*. Numismatic Studies. No. 24 / M.S. Balmuth (ed.). N.Y., 105–126.

- Konuk K. 2005: The Electrum Coinage of Samos in the Light of Recent Hoard // *Neue Forschungen zu Ionien* / E. Schwertheim, E. Winter (eds.). Bonn, 43–54.
- Kraay C.M. 1956: The Archaic Owls of Athens: Classification and Chronology // *NC*. XVI, 43–68.
- Kraay C.M. 1962: The Early Coinage of Athens: A Reply // *NC*. II (Series 7), 417–423.
- Kraay C.M. 1975: Archaic Owls of Athens: New Evidence for Chronology // *Thorikos and the Laurion in Archaic and Classical Times. Miscellanea Graeca I* / H.F. Mussche, Paule Spitaels, F. Goemaere-De Poerck (eds.). Ghent, 145–157.
- Kraay C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley–Los Angeles.
- Kroll J.H. 1981: From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // *ANSMN*. 26, 1–32.
- Kroll J.H. 1998: Silver in Solon's Law // *Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price* / R. Ashton, S. Hurter, G. Le Rider, R. Bland (eds.). L., 225–232.
- Kroll J.H. 2001: Observations on Monetary Instruments in Pre-Coinage Greece // *Hacksilber to Coinage. New Insights into the Monetary History of the Near East and Greece. Numismatic Studies*. No. 24 / M.S. Balmuth (ed.). N.Y., 77–91.
- Kroll J.H. 2008: The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece // *The Monetary Systems of the Greeks and Romans* / W.V. Harris (ed.). Oxf., 12–37.
- Kroll J.H., Wagoner N.M. 1984: Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // *AJA*. 88/3, 325–340.
- MacDonald D. 2005: *An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of the Bosphorus*. Lancaster.
- Martin T.R. 1985: *Sovereignty and Coinage in Classical Greece*. Princeton.
- Martin T.R. 1995: Coins, Mints and the Polis // *Sources for the Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre 2* / M.H. Hansen (ed.). Copenhagen, 257–291.
- Martin T.R. 1996: Why did the Greek Polis Originally Need Coins? // *Historia*. 45, 257–283.
- Matzke M. 2002: Die frühe Münzprägung von Teos in Ionien // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 50 Jahrg. 2000, 21–53.
- May J.M.F. 1966: *The Coinage of Abdera (540–345 BC)*. L.
- Meadows A.R. 2003: The Apadana Foundation Deposit (IGCH 1789): Some Clarification // *NC*. 163, 342–344.
- Melville-Jones J. 1998: The Value of Electrum in Greece and Asia // *Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price* / R. Ashton, S. Hurter, G. Le Rider, R. Bland (eds.). L., 259–268.
- Melville-Jones J. 2006: Why did the Ancient Greeks Strike Coins? // *Journal of the Numismatic Association of Australia*. 17, 21–30.
- Mignucci M. 1992: Elettro arcaico, incroci di conio inediti // *SM. Mai. Jahrg.* 42/166, 41–44.
- Paszthory E. 1982: Archäometrische Untersuchungen an archaischen Münzen Athens // *SM. Mai. Jahrg.* 32/126, 30–36.
- Pfeiler B. 1966: Die Silberprägung von Milet im 6. Jahrhundert v. Chr. // *SNR*. XLV, 5–25.
- Picard O. 2001: La découverte des gisements du Laurion et les débuts de la chouette // *RBN*. 147, 1–10.
- Podschivalow A.M. 1882: *Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosphorus Cimmerius aus der Sammlung A.M. Podschivalow's*. Moskau.
- Price M.J. 1983: Thoughts on the Beginning of Coinage // *Studies in Numismatic Method presented to Philip Grierson* / C.N.L. Brooke, B.H.I.H. Stewart, J.G. Pollard, T.R. Volk (eds.). Cambr., 1–10.
- Price M.J. 1987: The Coinages of the Northern Aegean // *Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires. BAR. Int. Series. 343* / I. Carradice (ed.). Oxf., 43–52.
- Price M., Wagoner N. 1975: *Archaic Greek Coinage: the Asyut Hoard*. L.
- Ravel O. 1936: *Les «Poulains» de Corinthe*. Vol. I. Basel.
- Raven E.J.P. 1968: Problems of the Earliest Owls of Athens // *Essays in Greek Coinage Presented to Stanley Robinson* / C.M. Kraay, G.K. Jenkins (eds.). Oxf., 40–58.
- Regling K. 1924: *Die antike Münze als Kunstwerk*. B.
- Rhodes P.J. 1975: Solon and the Numismatists // *NC*. XV, 1–11.
- Robinson E.S.G. 1951: The Coins from the Ephesian Artemision Reconsidered // *JHS*. 71, 156–167.
- Robinson E.S.G. 1956: The Date of the Earliest Coins // *NC*. XVI, 1–8.
- Robinson E.S.G. 1961: A Hoard of Archaic Greek Coins from Anatolia // *NC*. I (Series 7), 107–117.
- Root M.C. 1988: Evidence from Persepolis for the Dating of Persian and Archaic Greek Coinage // *NC*. 148, 1–12.
- Root M.C. 1989: The Persian Archer at Persepolis: Aspects of Chronology, Style and Symbolism // *REA*. XCI/1–2, 35–50.

- Schmidt E.F.* 1953: Persepolis. Vol. I. Structure, Reliefs, Inscriptions. Chicago.
- Schmidt E.F.* 1957: Persepolis. Vol. II. Contents of the Treasury and other Discoveries. Chicago.
- Schönert-Geiss E.* 1987: Einige Bemerkungen zu den prämonetären Geldformen und zu den Anfängen der Münzprägung // *Klio.* 69/2, 406–442.
- Seltman Ch.* 1924: Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambr.
- Sheedy K.A.* 2006: The Archaic and Early Classical Coinages of the Cyclades. L.
- Spier J.* 1998: Notes on Early Electrum Coinage and a Die-linked Issue from Lydia // *Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price* / R. Ashton, S. Hurter, G. Le Rider, R. Bland (eds.). L., 327–334.
- Starr Ch.G.* 1976: A Sixth-century Athenian Tetradrachm Used to Seal a Clay Tablet from Persepolis // *NC.* CXXXVI, 219–222.
- Stingl T.* 2000/2001: Barren oder Münzen? Überlegungen zum Beginn der Elektronprägung in Westkleinasien // *Boreas.* 23/24, 35–52.
- Thompson C.M.* 2003: Sealed Silver in Iron Age Cisjordan and the «Invention» of Coinage // *Oxford Journal of Archaeology.* 22/1, 67–107.
- Trevett J.* 2001: Coinage and Democracy in Athens // *Money and Its Uses in the Ancient Greek World* / A. Meadows, K. Shipton (eds.). Oxf., 23–34.
- Vickers M.* 1985: Early Greek Coinage, a Reassessment // *NC.* 145, 1–44.
- Wallace R.W.* 1987: The Origin of Electrum Coinage // *AJA.* 91, 385–397.
- Wallace R.W.* 2001: Remarks on the Value and Standards of Early Electrum Coins // *Hacksilber to Coinage. New Insights into the Monetary History of the Near East and Greece.* Numismatic Studies. No. 24 / M.S. Balmuth (ed.). N.Y., 127–134.
- Wallace W.P.* 1962: The Early Coinages of Athens and Euboia // *NC.* II (Series 7), 23–42.
- Wartenberg U.* 1997: Review of Stefan Karwiese's «Die Münzprägung von Ephesos. I. Die Anfänge: Die ältesten Prägungen und der Beginn der Münzprägung überhaupt» // *SNR.* 76, 263–267.
- Weidauer L.* 1975: Probleme der frühen Elektronprägung. Fribourg.
- Weidauer L.* 1982: Orientalische Stilelemente in der frühen Elektronprägung // *Proceedings of the 9th International Congress of Numismatics.* Vol. I / T. Hackens, R. Weiller (eds.). Louvain-La-Neuve–Luxembourg, 39–45.
- Williams D.* 1991–1993: The «Pot Hoard» from the Archaic Artemision at Ephesus // *Bulletin of the Institute of Classical Studies.* 38. L., 98–103.
- Williams R.T.* 1966: The «Owls» and Hippias // *NC.* VI, 9–13.
- Zournatzi A.* 2003: The Apadana Coin Hoards, Darius I and the West // *AJN.* 15, 1–28.

I. ON THE BEGINNING OF COINAGE ON THE BOSPORUS

S.A. Kovalenko, V.P. Tolstikov

The article considers the time and circumstances of the beginning of coinage in Panticapaeum, which was to become the capital of the Bosporan Kingdom. The earliest coin issues are examined in the context of late archaic Greek coinage, which makes it possible to show their place in the history of ancient coinage. The results of recent research carried out by the archaeological expedition of the State Pushkin Museum of Fine Arts are used in the article. A complex of numismatic, archaeological and historical evidence enables the authors to conclude that the first Bosporan coins were struck in the first years of the 5th c. BC in view of the necessity to cover a vast programme of public construction works which made Panticapaeum a real centre of urban life.